

**Татьяна Панюшева
Мария Капилина (Пичугина)
Приемный ребенок.
Жизненный путь,
помощь и поддержка**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11311051

Приемный ребенок: жизненный путь, помощь и поддержка. –

2-е изд. / Капилина (Пичугина) М. В., Панюшева Т. Д.: Никея;

Москва; 2015

ISBN 978-5-91761-446-5

Аннотация

Книга написана двумя опытными авторами-психологами, которые почти два десятка лет работают с детьми-сиротами и приемными семьями. Авторы рассказывают, что на самом деле переживают дети, потерявшие семью, и что может мешать успешному семейному устройству. В книге говорится о типичных страхах приемных родителей, даются советы, как справляться с трудным поведением ребенка, а также поднимается острая проблема возврата приемных детей. Здесь описаны некоторые методы работы с приемными

детьми (например, работа с «Книгой жизни»), которые до сих пор не были представлены в отечественной литературе. В конце книги есть подробная история приемного ребенка, рассказанная «от первого лица».

Авторы не дают ответы на все вопросы семейного устройства, но честно, без «розовых очков», рассказывают о трудностях, проблемах и возможностях их решения.

Книга адресована настоящим и будущим приемным родителям, а также специалистам, работающим в сфере семейного устройства.

Содержание

Предисловие	7
Полюбить чужого	12
Обращение к читателю	15
Введение	18
Часть I	24
Глава 1	25
Глава 2	28
Как формируется привязанность	29
Типы нарушенной привязанности	36
От чего зависит тяжесть последствий травматического опыта?	50
Глава 3	56
Что влияет на поведение	56
Почему взрослые иногда не могут заботиться о детях	63
Отношение к кровной семье	70
Глава 4	78
Глава 5	90
Жестокое обращение. Формы насилия	90
Глава 6	100
Отобрание ребенка из семьи	101
С точки зрения ребенка: «виноват и наказан»	107

Глава 7	114
Важен ли для успешного усыновления опыт жизни в семье?	114
Что на самом деле происходит с детьми, от которых отказались при рождении?	117
Глава 8	132
Глава 9	136
Стадии переживания	136
Часть II	146
Глава 1	146
Первый тип реакции – «Ничего не происходит» («замирание»)	147
Второй тип реакции – «Терминатор» («конфликт»)	152
Третий тип реакции – «Адаптивная стратегия» («активная ориентировка»)	156
Глава 2	158
Глава 3	163
Глава 4	169
Глава 5	175
Глава 6	186
Почему родители не навещают своих детей?	191
Общение ребенка с семьей: чем могут помочь или помешать представители	194

детских домов и социальных служб?
Конец ознакомительного фрагмента.

**Мария Капилина
(Пичугина)
Татьяна Панюшева
Приемный ребенок:
жизненный путь,
помощь и поддержка**

*Допущено к распространению
Издательским советом Русской
Православной Церкви ИС Р15-419-1653*

Предисловие

Долгое время бытовало мнение, что человеку, который берет ребенка в семью, достаточно любить детей, иметь свой собственный опыт родительства или просто позитивный настрой. Казалось бы, что тут особенного? Быть родителем – это то, чему никого не учат заранее, то, что происходит с человеком иногда совершенно неготовым, незрелым, и люди как-то справляются с этой задачей, растят детей, любят их,

решают в меру своих сил и возможностей проблемы, которые возникают при воспитании в семье.

Однако даже с родными детьми не всегда все получается, и мы прекрасно понимаем это, ведь именно этот неуспех зачастую и приводит детей в систему государственной опеки. Но самое главное, конечно, то, что ребенок, однажды потерявший семью, переживает настолько тяжелый стресс и непредставимую для нас боль потери, такой страх и потрясение всех основ своей психики, что отбрасывать этот факт как не имеющий принципиального значения можно только лишь по сугубому незнанию.

Ребенок, который пришел в новую семью из-за потери собственной, – это всегда ребенок, в жизни которого случилась беда. Беда, делающая его настороженным и недоверчивым – и при этом очень ранимым. А опыт жизни в системе коллективного ухода добавляет свои зарубины на развитии маленькой личности. Или, может быть, ребенок имел опыт отвержения и насилия в родной семье тогда, когда он только учился доверять.

Ребенок нуждается в новой семье, и ему нужна помощь. Помощь, чтобы справиться с последствиями случившейся с ним беды, с последствиями усвоенных навыков выживания в коллективе таких же, как он, с последствиями нелюбви и отверженности.

И только осознав это, мы понимаем, что взять ребенка в семью – это не так просто, не всегда одной любви достаточно, не всегда опыт нашего собственного родительства ведет нас правильными дорожками, подсказывая решения, которые работали в схожих внешне, но таких отличающихся по сути ситуациях с нашими детьми.

Авторы этой книги, без сомнения, считаются одними из лучших специалистов в нашей стране в сфере помощи принимающей семье. Их профессиональный путь начинался в московском детском доме № 19, который еще в 90-е годы стал экспериментальной площадкой, детским домом, где перестали относиться к ребенку в системе как к объекту, который надо содержать. Одними из первых сотрудники этого детского дома начали выстраивать систему помощи ребенку, целью и лейтмотивом которой было устройство его в семью. В семью родную, служба помощи которой сформировалась в этом учреждении тогда, когда в других детских домах кровная семья оставалась фигурой умолчания и пренебрежения, стоящей далеко за порогом детского дома. В семью приемную, когда в целом по стране не было ни понимания ценности приемной семьи для ребенка, ни осознания сложности для семьи этого пути, требующего поддержки специалистов.

Сегодня, когда подготовка семьи, принимающей ребенка, стала законодательно обязательной, и идут разговоры на уровне Госдумы об обязательном же сопровождении, когда слово «профилактика» впервые звучит с высоких трибун и мало кто уже считает, что жизнь ребенка в детском доме – это нормально, все эти изменения в отношении общества и государства к приемным семьям происходят на фоне жесточайшей нехватки знаний, технологий, методологии работы.

Пока лишь формируются профессиональные стандарты для новых специальностей, а вузы все еще не готовят тех, кто потом будет обучать и сопровождать принимающие семьи. Большинство работающих в этой сфере идут по наитию, с трудом разыскивают небольшой объем наших или переводных материалов, которые помогли бы составить базу знаний для поддержки новой семьи. Есть буквально две-три книги, рассчитанные на широкого читателя, несущие огромную просветительскую функцию. На этом поле очень не хватает литературы, которая помогала бы четко понимать тему, знать, какие существуют подходы к решению проблем; литературы, которая была бы подспорьем как для специалистов, так и для приемных родителей, усыновителей, опекунов, сознательно относящихся к своему родительству.

Я надеюсь, что эта книга будет таким подспорьем

– и принимающим родителям, которым она поможет иначе взглянуть на трудности в развитии и поведении своих детей, и специалистам, которые хотят поддерживать приемные семьи.

Жизнь в принимающей семье должна дать ребенку ресурс, чтобы он смог выстроить и сохранить свою личность цельной. Пусть эта книга станет источником знаний, стратегий и вдохновения для каждой семьи, которая хочет ребенку в этом помочь.

*Елена Альшанская,
руководитель благотворительного фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам»*

Полюбить чужого

У любого человека есть два деда. Так могло быть и у меня, но один умер, когда мне было восемь, а другой ушел от бабушки, когда только родилась мама. При этом случилось так, что я рос, вырослел, жил рядом с человеком, который не был мне родным – ни с какой стороны и ни в какой степени. Третий муж моей бабушки, однажды и навсегда вошедший в нашу жизнь и ставший для меня одним из самых значимых людей. Откуда это приходит? Кем посылается? Как Бог так все устраивает? Человек другой культуры, другого времени – литовец, военврач, фронтовик, атеист – стал для меня близким и важным. Почему? Тайна сия велика.

И тайна эта напоминает о себе всякий раз, когда люди принимают в семью чужих детей. Кто были их родители, бабушки-дедушки? Иной раз лучше бы и не знать этого. А все-таки знать надо. И учитывать. А еще надо знать, как этого чужого ребенка любить и, главное, терпеть. Поначалу кажется: что может быть проще? Какой симпатичный малыш, ласковый, нежный, и – вот здорово! – сразу стал называть вас папой и мамой, с первого свидания, еще в детском доме. Будни приходят позже. Удивляешься: Господи, как в пять

лет ребенок может не уметь залезть в ванну? Как в девять лет затрудняется с ходу дать определение слову «этаж»? И вообще, почему, когда ты его ругаешь, он лишь туповато улыбается? Ну все не так, как у наших, у родных детей... И при этом, сам не зная как и когда, ты обнаруживаешь, что он хотя и не родной, и не такой, но настолько уже свой, настолько уже любимый, что за него чуть ли не больше, чем за своих, готов все отдать. А бывает и не так. Много раз приходилось слышать о проблемах с приемными детьми. Многим трудно сердцем, до конца полюбить чужого ребенка, трудно принять его. Нужна колоссальная, титаническая работа над собой, чтобы прийти к любви. К счастью, Бог посылает в помощь родителям не только Свой Таинственный и Необъяснимый Дар – Любовь, но и мудрых священников, близких друзей и родственников, а также людей, всерьез и глубоко исследующих вопросы воспитания приемных детей.

Предлагаемая читателю книга написана именно такими людьми. Авторы обобщили многолетний опыт ежедневной работы с «отказниками», социальными сиротами, детскими домами и приемными родителями. Для меня очень важно, что авторы сотрудничали с Марией Феликсовной Терновской и опираются на ее опыт – опыт человека, не без помощи которого мы когда-то делали первые шаги на пути к усыновле-

нию одного из наших детей. Мы тогда не знали, что такое депривация, мозаичное развитие и т. п. А такие знания необходимы любому усыновителю! Вот почему эту книгу будет полезно прочитать всем нам, уже взявшим или только собирающимся взять в семью сироту.

Христианин в ответе за весь мир, и нет ни одного аспекта жизни, выходящего за пределы этой ответственности. Таково и усыновление. В дореволюционной России, да и в СССР (особенно после Великой Отечественной войны) усыновление было в порядке вещей. Потом пришло время иное, детские дома стали плодиться и размножаться, а усыновление ушло в маргинальные области бытия. Сегодня, кажется, что-то сдвинулось. Может быть, мы стали чаще вспоминать слова Христа: «Кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает» (Мф. 18, 5)? Дай Бог!

Священник Федор Котрелев

Обращение к читателю

В 1996 году, когда мы начинали свою деятельность, профессиональная помощь приемным детям и приемным родителям в России было делом достаточно новым. За годы общения с ними мы прошли долгий путь от поверхностного представления о тех проблемах, которые есть у детей, переживших разрыв со своими кровными родителями, до внутреннего ощущения того, что происходит с этими детьми.

Ребенок, оставшийся один, гораздо раньше, чем он будет к этому готов, должен самостоятельно решать задачу выживания во всех смыслах этого слова. Такие дети пытаются обрести чувство ценности собственной жизни. Те вопросы, над которыми рано или поздно задумывается каждый человек («Зачем я?», «Для чего я живу?»), для этих детей вдвойне сложны, потому что вера в свою нужность на этом свете у них серьезным образом подорвана. Преодолеть этот «подрыв» удастся не всем. То, что внешне выглядит как «деструктивное поведение», «моральная неразвитость», «черствость», «примитивность интересов», представляет собой скорее способы защиты, которые когда-то были нужны для выживания, но так и остались с ребенком, как «приросшая корка». Это приводит к тому,

что внутренняя душевная красота ребенка не может развиваться в полной мере и проявиться вовне. Возможно, такая трагедия «огрубления» касается не только приемных детей, но для них она особенно актуальна. В ходе индивидуальной реабилитационной работы с этими детьми мы не раз наблюдали, как постепенно раскрываются их способности и те позитивные личностные черты, которые до сих пор были скрыты из-за жизненных травм. Мы точно знаем, что у приемных родителей, которым удалось понять и принять своих детей, тоже произошла встреча с подлинным внутренним миром своего ребенка. Для них уже не стоит вопрос о том, возможен ли для их приемного ребенка благополучный путь развития; они любят своих детей и верят в них.

Для приемных детей жизнь в приемной семье – это второе рождение. Они «оживают» благодаря любви своих приемных родителей и их поддержке. Но это только начало. В дальнейшем они все время ощущают, пробуя и ошибаясь, ищут свой собственный путь. Кому-то из них удастся утвердиться в жизни, почувствовать ее ценность и свою силу – такие дети живут полной жизнью. Но у кого-то происходит иначе: несмотря на желание взрослых помочь, дети все равно движутся в сторону разрушения себя, и с этим не удастся ничего сделать. Они чувствуют себя так, как будто их

«вырвали с корнем».

Это слишком серьезная проблема, чтобы считать, что есть готовые рецепты, психологические или педагогические методы, которые приведут к стопроцентно положительным результатам. Фактически такие вопросы – на уровне жизни и смерти, перед лицом которых каждый человек оказывается один. Работая с приемными детьми, мы глубоко прочувствовали, что стали для них спутниками и свидетелями их жизненного пути; что сочувствие и помощь важны для каждого ребенка. Но наше желание помочь не может заменить для ребенка его собственных усилий, он должен научиться сам строить свою жизнь.

Мы наблюдали десятки жизненных историй приемных родителей и приемных детей. И главное слово, которое выражает наше отношение к детям и семьям, – это **уважение**. Уважение к их пути, к их боли, к их усилиям. Мы надеемся, что книга поможет людям, для которых эта тема значима, чуть больше понять, что происходит в жизни приемных детей. Мы не претендуем на «истину в последней инстанции», просто хотим поделиться своими взглядами и своим опытом.

Введение

Появление этой книги обусловлено, с одной стороны, насущной необходимостью: количество семей с приемными детьми растет, и тема систематизации и обобщения опыта актуальна. С другой – накопился практический 16-летний опыт работы в сфере семейного устройства детей – социальных сирот, и хочется, чтобы он приносил пользу не только тем конкретным людям, которые непосредственно связаны с устройством детей в семью, но и более широкому кругу читателей. Эта книга адресована как специалистам, работающим в сфере семейного устройства (психологи, педагоги, социальные работники), так и приемным родителям, настоящим и будущим. Также эта книга может заинтересовать людей, которые сами были приемными детьми, и, став уже взрослыми, сталкиваются с болезненными вопросами прошлого и хотят лучше осознать, что с ними произошло и как можно себе помочь. Кроме того, эта книга может быть полезна и журналистам, пишущим по этой проблеме, и представителям органов опеки, и всем интересующимся вопросами семейного устройства.

В настоящее время в России насчитывается 654 000 детей-сирот (у многих из них родители живы – это

социальные сироты), и это одна двадцатая от общей численности детского населения. По отношению к общему объему обсуждаемой в социуме информации тема социального сиротства составляет очень незначительную долю. Термин «невидимые дети» вполне адекватен в отношении всех жителей домов ребенка, детских домов, школ-интернатов, психоневрологических интернатов, домов инвалидов и домов престарелых (после 18 лет дети из детских домов, признанные недееспособными, могут туда попасть!). Их судьбы по-прежнему мало кого интересуют.

Эта книга не является «методическим пособием на все случаи жизни» в работе с приемными детьми. В задачу авторов входило изложение стратегий помощи приемным детям; отражение профессиональных принципов, которые являются базовыми в этой работе, а также описание отдельных методов (например, работа с «Книгой жизни»), которые до сих пор не были подробно описаны в отечественной литературе. Изложение различных психотерапевтических подходов в работе с приемными детьми и подробное описание работы психолога с детьми – социальными сиротами является отдельной задачей, которая в рамках данной книги не решается.

Термином «приемная семья» в этой книге обозначается не конкретная юридическая форма устрой-

ства, а *любая* семья, принявшая на воспитание ребенка: усыновители, опекуны, приемные родители, патронатные родители. Подобный выбор связан с необходимостью простым и понятным словом обозначить сразу все варианты семейного устройства.

Важно отметить, что для каждого приемного родителя и для каждого приемного ребенка возникающие у них трудности и проблемы носят глубоко индивидуальный и личный характер. Готовых рецептов для их разрешения нет не только в этой книге, но и не существует вообще. Приводимые ниже идеи представляют собой «мозаику», из которой родители могут складывать свой собственный «воспитательский узор» или принимать на этой основе свои собственные решения. В конечном итоге никто лучше родителей не знает, что наиболее правильно для жизни их семьи. Консультации специалистов – просто инструмент, при помощи которого родители сами себе помогают. И эта книга – вариант такого инструмента.

Последовательность изложения в книге следует логике жизненного пути большинства детей, оказавшихся в положении социальных сирот:

- сложная и неблагополучная жизнь в кровной семье;
- изъятие¹ ребенка из семьи с целью сохранения

¹ Официально принят термин «отобрание», но при неформальном об-

его физической безопасности;

– последующая жизнь ребенка в учреждении и либо переход в замещающую семью, в которой ребенок вырастет, либо жизнь до совершеннолетия в стенах учреждения;

– краткое описание того, что может происходить с детьми после выпуска.

Кроме того, есть несколько ключевых тем, которые рассматриваются особо: привязанность, утрата, идентичность. Понимание этих тем лежит в основе формирования представлений о том, что же на самом деле происходит с детьми-сиротами, с чем связаны их трудности. Это важно, поскольку на уровне социальных стереотипов все объясняется неблагоприятной генетикой, что совершенно не соответствует действительности.

Примеры, приведенные в книге, взяты из практической работы авторов. Все имена действующих лиц изменены. Значительная часть приводимых примеров относится к периоду работы авторов в проекте «Наша семья» (г. Москва, Центральный административный округ, 1996–2009 гг.). Поскольку работа проводилась на протяжении многих лет, мы имели возможность наблюдать процесс развития и изменения детей в дина-

мичности люди чаще употребляют слово «изъятие». Это слово довольно точно отражает «режущую» суть явления.

мике. В этом состоит ценность этих примеров, и именно из-за их многогранности отдельные случаи могут приводиться в разном контексте несколько раз. Также необходимо отметить, что в качестве примеров, как правило, используются достаточно типичные, распространенные ситуации из жизни приемных семей.

Авторы хотят выразить благодарность:

– **всем тем семьям и детям, которые, обращаясь к нам за помощью, стали нашими учителями;**

– Марии Феликсовне Терновской – как человеку, который принес идеи патронатного воспитания в Россию и стал вдохновителем и создателем первого в стране центра профессионального семейного устройства;

– Вере Ивановне Лопатиной, благодаря которой в 90-е годы стало возможным формирование государственного центра социально-психологической поддержки замещающих семей (проект «Наша семья» в г. Москве);

– Благотворительному фонду «Волонтеры в помощь детям-сиротам», в том числе лично Елене Альшанской и Марине Андреевой, – и за их практическую деятельность, и за организацию просветительской работы в обществе;

– всем нашим коллегам, с которыми мы работали и продолжаем работать в сфере семейного устройства;

– нашему редактору Марине Нефедовой – за ее профессионализм, точные замечания и необыкновенное терпение.

Часть I

Что происходит с ребенком в результате жизни в неблагополучных условиях и расставания с кровной семьей

Социальное благополучие человека основывается, в первую очередь, на его способности создавать и поддерживать прочные эмоциональные связи и отношения с другими людьми. Потребность в привязанности носит врожденный характер, но ранний детский опыт влияет на способность эту потребность реализовать. Адаптация приемного ребенка в семье и в дальнейшем в социуме зависит от имеющегося у него опыта взаимоотношений с окружающими.

Темы этой части касаются в первую очередь особенностей формирования привязанности у детей-сирот и переживания ими расставания с кровной семьей.

Глава 1

Потребность детей любить своих родителей

Самое тяжелое событие, которое может произойти в жизни ребенка, – это потеря родителей. Когда родители умирают или их лишают родительских прав, ребенок оказывается на попечении государства, и в его судьбе принимают участие взрослые, задача которых – насколько возможно, смягчить и восполнить утрату.

Дети, чьи родители лишены родительских прав, переживают двойную жизненную травму: с одной стороны – это плохое обращение в кровной семье и негативный жизненный опыт, с другой – сам факт разрыва с семьей. Такую вынужденную разлуку ребенок воспринимает почти как смерть своих родителей. Традиционные представления о том, что дети «маленькие, ничего не понимают», что «им все равно» и «они быстро все забудут», – ошибочны. Дети точно так же, как и взрослые, чувствуют боль утраты близких отношений, но у них гораздо меньше возможностей защищаться, по сути – только одна: стараться не думать о том, что с ними случилось.

Еще одно традиционное заблуждение – считать,

что ребенок не может любить родителей, которые плохо с ним обращаются. А если любит – значит, «сам ненормальный». Однако сохранение привязанности к родителям как раз и является одним из признаков «нормальности» ребенка. Потребность любить и быть любимым естественна для всякого душевно здорового человека. Просто эти дети любят своих родителей не такими, какие они есть, а такими, какими они должны были бы быть: додумывая хорошее и не замечая плохое.

Детям трудно адекватно оценить причины изъятия их из семьи, и они могут воспринимать это как насилие, а представителей органов опеки – как агрессоров. Но даже тогда, когда перемещение было ожидаемым, дети испытывают страх и неуверенность, чувствуют себя зависимыми от внешних обстоятельств и незнакомых им людей. В соответствии с особенностями характера и поведения после отобрания из семьи ребенок может быть подавлен, безучастен к происходящему или агрессивен. Но каковы бы ни были его реакции, взрослым нужно помнить: уход из семьи – самое значительное событие из всех, что происходили до сих пор в жизни ребенка. Достаточно спросить себя: «А хотели бы мы оказаться в такой ситуации? Что бы мы чувствовали, лишившись привычного окружения людей и вещей – всего того, что мы называем

„своим“?» И сразу исчезают сомнения относительно того, что такое событие может расцениваться кем-либо как «хорошее», потому что «правильно» и «хорошо» – разные понятия.

Все дети из неблагополучных семей хотят, чтобы их кровные родители были нормальными, заботливыми и любящими. Разлука с семьей по сути является признанием того, что для данного ребенка быть любимым своими родителями – невозможно. И утрата семьи, даже если она была неблагополучной, – серьезная травма. Она приносит ребенку боль, обиду на родителей и на «жизнь вообще», чувство отверженности и гнев. Когда речь заходит о привязанности, традиционно акцент делается на том, насколько ребенку важно чувствовать себя любимым. При этом зачастую упускается из виду, что не менее важно для ребенка любить самому и чувствовать связь со своими близкими. Через отношения с близкими ребенок получает первые представления о себе самом и о мире.

Глава 2

Формирование и нарушение привязанности

Привязанность – это стремление к близости с другим человеком и к сохранению этой близости. Глубокие эмоциональные связи со значимыми людьми служат основой и источником жизненных сил для каждого из нас. Для детей же это – жизненная необходимость в буквальном смысле слова: младенцы, оставленные без эмоционального тепла, могут умереть, несмотря на нормальный уход (Spitz, R. A., 1945, 1946a, 1946b), а у детей постарше нарушается процесс развития. Глубокая привязанность к родителям способствует развитию у детей доверия к другим людям и одновременно – уверенности в себе. Отсутствие привязанности к конкретному взрослому дезориентирует ребенка, заставляет чувствовать свою малоценность и уязвимость.

Отвергаемые дети неблагополучны эмоционально, и это гасит их интеллектуальную и познавательную активность. Вся внутренняя энергия уходит на борьбу с тревогой и приспособление к поискам эмоционального тепла в условиях его жесткого дефицита. Кроме

того, в первые годы жизни именно общение со взрослым служит источником развития мышления и речи ребенка. Отсутствие адекватной развивающей среды, плохая забота о физическом здоровье и недостаточность общения со взрослыми приводит к отставанию в интеллектуальном развитии у детей из неблагополучных семей. Именно родительская депривация² и последствия жестокого обращения чаще всего являются основной причиной диспропорционального развития детей – социальных сирот, а не «наследственность» и органические нарушения.

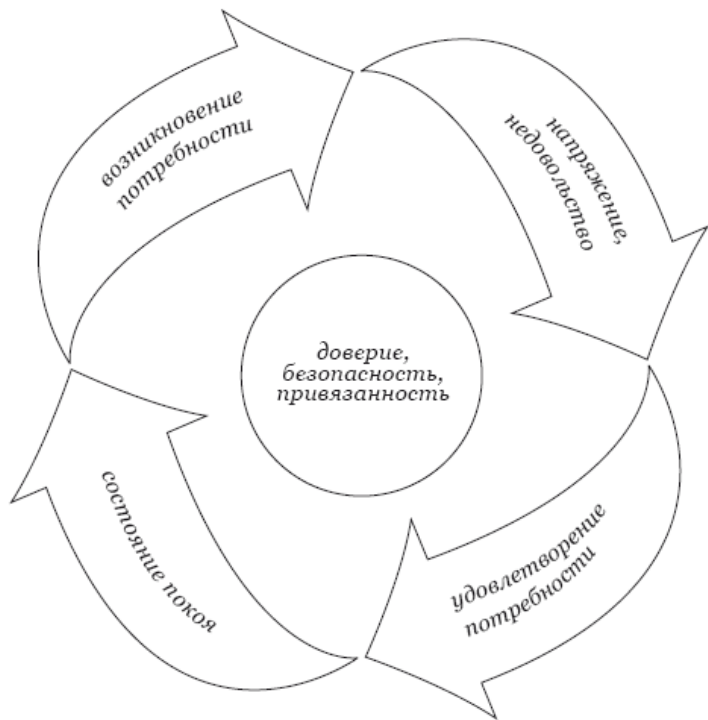
Как формируется привязанность

Формирование привязанности у младенцев происходит благодаря заботе взрослого и основывается на трех источниках: *удовлетворение потребностей ребенка, позитивное взаимодействие и признание* (приводится по книге Vera Fahlberg «A Child's Journey through Placement», 1990).

удовлетворение потребностей

Цикл «возбуждение – успокоение»:

² См. словарь терминов на стр. 404.

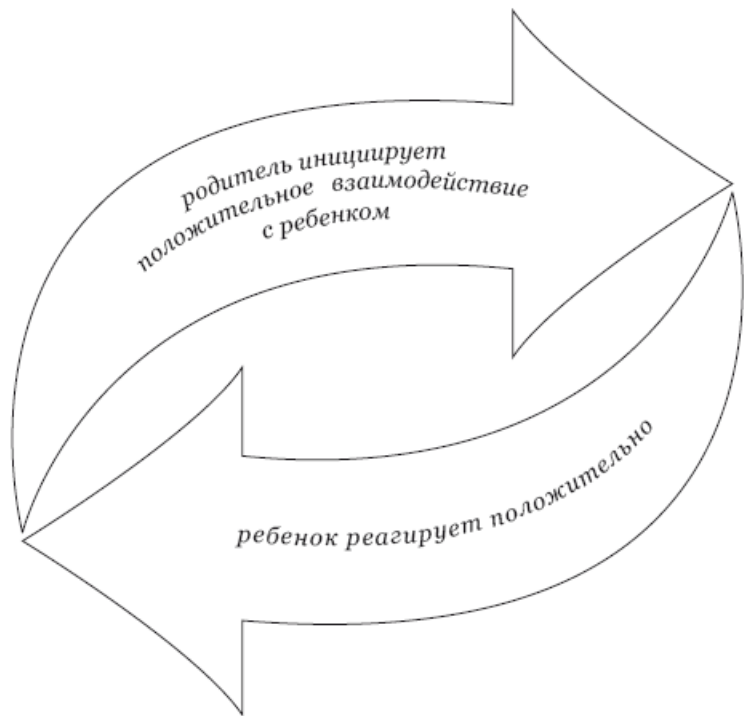
Регулярная и правильная забота взрослого об удовлетворении потребностей приводит к стабилизации нервной системы младенца и уравниванию процессов возбуждения – торможения. Если ребенку пришлось слишком долго ждать, чтобы на него обратили внимание, или переживать устойчивое игнорирование, если он испытывал дефицит тепла в мла-

денчестве и привык добиваться своего долгим упорным криком – во всех этих случаях детям свойственна, во-первых, высокая тревожность в отношениях со взрослыми. Во-вторых, они ожидают и невольно воспроизводят привычный для них способ взаимодействия. И то, и другое может восприниматься взрослыми как негативные поведенческие проявления или даже как нарушения в развитии. Но на самом деле это является следствием депривации, и от взрослых потребуется значительное время и терпение, чтобы изменить столь ранние и бессознательные поведенческие модели ребенка. Еще один важный момент – при правильном уходе по реакциям взрослых дети учатся сначала распознавать свои потребности, а затем запоминают, что нужно делать, чтобы их удовлетворить, – так постепенно формируются навыки самообслуживания. Соответственно, дети из неблагополучных семей, где нуждами детей пренебрегают, значительно отстают в навыках самообслуживания от сверстников, о которых хорошо заботились. И то, что зачастую воспринимается как «некультурность», на самом деле результат взаимодействия со взрослыми.

В младенчестве и раннем детстве (до трех лет) привязанность легко возникает в отношении того, кто постоянно ухаживает за ребенком. Однако укрепление или разрушение привязанности будет зависеть от то-

го, как эмоционально окрашена эта забота.

«круг позитивного взаимодействия»

Если взрослый тепло относится к ребенку, привязанность будет крепнуть, ребенок будет учиться у взрослого положительному взаимодействию с други-

ми, то есть тому, как общаться и получать удовольствие от общения. Если взрослый безразличен или испытывает к ребенку раздражение и неприязнь, то привязанность формируется в искаженном виде.

Качество заботы о ребенке и эмоционального отношения к нему влияет на базовое чувство доверия к миру, формирующееся у младенца к 18 месяцам (Эриксон Э., 1993). В результате плохого обращения у детей может нарушиться восприятие самих себя. Один восьмилетний мальчик, переживший систематическое пренебрежение и жестокое обращение в кровной семье, после того, как попал в полюбившую его приемную семью, говорил приемной маме: «Иногда мне кажется, что я не существую». Дети, получившие в раннем детстве опыт эмоционального отвержения, испытывают недоверие к миру и большие трудности в поддержании близких отношений. Об этом важно помнить и специалистам, и приемным родителям, сталкивающимся с трудностями при формировании привязанности у некоторых детей в приемных семьях.

Признание

Признание – это принятие ребенка как «своего», как «одного из нас», «похожего на нас». Такое отношение дает ребенку чувство сопричастности, при-

надлежности своей семье. Удовлетворенность родителей своим браком, их желание иметь ребенка, семейная ситуация в момент рождения, сходство с одним из родителей, даже пол новорожденного – все это оказывает влияние на чувства взрослых. При этом ребенок не может критически отнестись к факту признания. Нежеланные, отторгнутые своей семьей дети чувствуют себя неполноценными и одинокими, винят себя за какой-то неведомый изъян, послуживший причиной отторжения. Один мальчик говорил о себе: «Я – лишенный родительских прав». Это очень точно отражает суть переживания детей, которые считают, что если их родители позволили их забрать, значит, они (дети) не представляли особой ценности. То есть для ребенка дело не в том, что с родителями было что-то не так, а в том, что они, дети, «виноваты сами».

Характеристики привязанности (по Д. Боулби)

- **Конкретность** – привязанность всегда обращена к какому-то конкретному человеку.
- **Эмоциональная насыщенность** – значимость и сила чувств, связанных с привязанностью, включающих весь спектр переживаний: радость, гнев, печаль.
- **Напряжение** – появление объекта привязанности

уже может служить разрядкой негативных чувств младенца (голод, страх). Возможность ухватиться за мать ослабляет и дискомфорт (защита), и саму потребность в близости (удовлетворение). *Отвергающее поведение родителей усиливает проявления привязанности ребенка («цепляние»).*

– **Продолжительность** – чем сильнее привязанность, тем дольше она длится. Детские привязанности человек помнит всю жизнь.

– Привязанность – **врожденное качество**.

– Способность устанавливать и поддерживать отношения привязанности с людьми **ограничена**: если до трех лет ребенок по каким-то причинам не имел опыта постоянных близких отношений со взрослым, либо если близкие отношения маленького ребенка разрывались и не восстанавливались более трех раз, то способность устанавливать и поддерживать привязанность может разрушиться. Также в некоторых случаях способность устанавливать отношения привязанности может нарушиться из-за враждебности или холодности взрослых. Имеется в виду, что потребность в привязанности как таковая сохраняется, но утрачивается возможность ее реализовать.

Типы нарушенной привязанности

Существуют разные подходы к классификации и описанию нарушений привязанности. При этом многие авторы, имея расхождения в терминологии, сходятся в описании содержания. Здесь приводится один из вариантов такой классификации.

Негативная (невротическая) привязанность: ребенок постоянно «цепляется» за родителей, ищет «негативного» внимания, провоцируя родителей на наказания и стараясь раздражить их. Появляется как в результате пренебрежения, так и гиперопеки.

пример:

Мальчик Андрей впервые попал в учреждение в три года. Он был доставлен из милиции, до этого его неоднократно задерживали в метро вместе с людьми, занимающимся попрошайничеством. По документам у него был статус «подкидыш». В период жизни в разных учреждениях ребенок отличался вспышками агрессивного и протестного поведения (все делал наоборот, был очень упрямый). Специалисты, работавшие с ребенком, выяснили, что у мальчика не было опыта привязанности к кому-либо из близких взрослых, он никого не мог назвать из

значимых людей, вспомнить кого-то из тех, кто его любил. Также было известно, что нуждами ребенка пренебрегали: его били, плохо кормили, плохо одевали, крайне редко мыли... Когда Андрею было шесть лет, ему нашли семью. Мальчику очень понравились приемные родители, он с удовольствием пошел к ним жить. В приемной семье с ребенком очень хорошо обращались, заботились о нем, зная о всех лишениях, которые он перенес. Через три дня пребывания в семье мальчик сказал: «Мама, папа, отвезите меня обратно в детский дом, не надо меня так любить». Этот ребенок пугался и реагировал агрессией на позитивное внимание к себе (похвалы, внимание к его нуждам, ласковые слова) и, нуждаясь во внимании, старался привлечь его к себе какой-нибудь каверзой, негативным поведением. На расспросы взрослых о причинах его действий шестилетний мальчик честно говорил: «Я так привык» и «Я вам не верю, вы притворяетесь добрыми». В дальнейшем специалисты и родители работали над ослаблением у ребенка гнева, вызванного плохим обращением с ним в детстве со стороны взрослых, а также над формированием доверия и позитивной привязанности в новой семье. В настоящее время Андрею пятнадцать лет, он учится в частной школе, живет с родителями за границей, у него прекрасные близкие

отношения с семьей. Есть отдельные трудности в самореализации, но его социальное поведение адекватно и конструктивно.

комментарий:

В период адаптации в семье многим детям свойственно провоцирующее поведение: они и проверяют прочность отношений в новой семье, и стараются отстаивать свои границы – тому есть много причин. В данном случае имело огромное значение то, что приемные родители при поддержке специалистов смогли преодолеть страх ребенка перед близостью и помочь ему начать доверять семье.

Амбивалентная привязанность: ребенок постоянно демонстрирует двойственное отношение к близкому взрослому («привязанность-отвержение»), то ластится, то грубит и избегает. При этом перепады в обращении являются частыми, полутона и компромиссы отсутствуют, а сам ребенок не может объяснить своего поведения и явно страдает от него. Характерно для детей, чьи родители были непоследовательны и истеричны: то ласкали, то взрывались и били ребенка (эмоциональное и физическое насилие), делая и то, и другое бурно и без объективных причин, лишая тем самым ребенка возможности понять их по-

ведение и приспособиться к нему. Такое обращение с детьми встречается как в неблагополучных семьях, где родители непоследовательны в силу алкоголизма, так и в социально благополучных, но дисфункциональных семьях.

пример:

Девочка-подросток, в приемную семью попала в возрасте двенадцати лет. Ее кровная мать воспитывала дочь одна и умерла от онкологического заболевания, когда девочке было восемь лет. Мать до болезни выпивала, но при этом дочку любила, старалась заботиться о ней. Из рассказов девочки и людей, знавших семью, известно, что мать была неуравновешенной по характеру, взбалмошной, могла внезапно накричать на девочку или побить ее. Тяжелое заболевание вкупе с алкоголизмом усилило ее природную эмоциональную неустойчивость. Девочка «назло ей», в отместку за что-то могла уйти из дома, дерзила, не слушалась. Когда мать умерла, девочка продолжала вести себя таким же образом со взрослыми в учреждениях и затем – в приемной семье. В ходе жизни в замещающей семье в поведении девочки отмечалось чередование периодов понимания, близких и теплых отношений с приемной мамой с периодами вздорного и деструктивного по-

ведения. Сама девочка переживала по поводу этих «вспышек», говорила, что любит приемную маму и знает, что и та очень любит ее, но не может вести себя иначе, как будто что-то заставляет ее. Важно было помочь девочке пережить утрату кровной мамы и преодолеть чувство вины перед ней. Совместная работа специалистов и приемной мамы была направлена на то, чтобы у ребенка сформировались рефлексии и самоконтроль в социальных отношениях, а также чтобы она смогла освоить позитивные модели отношений с другими людьми. В настоящий момент девочке восемнадцать лет, она сама стала мамой, живет в гражданском браке с мужем в доме своей приемной семьи и ждет получения собственной жилплощади. В ее отношениях с близкими по-прежнему присутствуют перепады от плохого к хорошему, но они не носят такого критического и разрушительного характера, как прежде. Она хорошо заботится о своем ребенке и у нее прочные отношения с близкими.

Избегающая привязанность: ребенок угрюм, замкнут, не допускает доверительных отношений со взрослыми и детьми, хотя может любить животных. Основной мотив – «никому нельзя доверять». Подобное может быть, если ребенок очень болезненно пе-

режил разрыв отношений с близким взрослым и горе не прошло, ребенок «застрял» в нем; либо если разрыв воспринимается как «предательство», а взрослые – как «злоупотребляющие» детским доверием и своей силой. Со временем замкнутость и неприязненность проходят, но дистантность и осторожность в отношениях сохраняются.

Причиной формирования такого типа нарушенной привязанности может быть сочетание личностных особенностей ребенка (цельность характера, ригидность и чувствительность) и потери единственного источника эмоционального тепла в ситуации эмоционального отвержения и/или физического насилия со стороны ближайшего окружения.

Специалисты, занимающиеся семейным устройством, время от времени имеют дело с детьми, которых потенциально легко было бы устроить в семью: ребенок не имеет грубых нарушений в развитии, достаточно адекватен в поведении, способен поддерживать социальные отношения с воспитателями и детьми в детском доме. Однако эти дети либо категорически не хотят идти в семью, и тверды в своем намерении, или под давлением персонала детских домов соглашаются пойти в семью, но в семье делают все для того, чтобы их вернули. Специалистам важно не смешивать эти ситуации со случаями естествен-

ного страха детей перед кардинальными изменениями в их жизни, когда они боятся сделать первый шаг, но затем идут в семью и успешно там приживаются. Для детей с избегающей привязанностью возникающая близость в отношениях означает неминуемость расставания и связанной с этим боли. Чем сильнее чувство привязанности, тем сильнее паника и желание убежать. Этот страх заставляет детей бороться с чувством привязанности и стремиться к увеличению дистанции или разрыву отношений со значимыми людьми. Семейное устройство для таких детей возможно только в те семьи, где взрослые – личностно зрелые и эмоционально благополучные люди, которые способны принимать ребенка с его потребностью в значительной дистанции в отношениях и скупыми проявлениями теплых чувств.

«Размытая» привязанность: так можно обозначить часто встречающуюся особенность поведения у детей из домов ребенка, особенно «отказников», живущих в учреждениях с рождения. Они ко всем прыгают на руки, с легкостью называют взрослых «мама» и «папа», и так же легко отпускают. То, что внешне выглядит как неразборчивость в контактах и эмоциональная прилипчивость, по сути представляет собой попытку добрать качество за счет количества. Де-

ти стараются хоть как-нибудь, от разных людей получить тепло и внимание, которое им должны были дать близкие. Основной причиной такого поведения является эмоциональная депривация и отсутствие опыта привязанности к конкретному человеку в раннем детстве. Младенцы категорически не должны находиться в учреждениях, это наносит огромный урон их физическому и психическому развитию, что подтверждается большим количеством научных исследований за последние сто лет. В большинстве развитых стран мира не существует домов ребенка, все маленькие дети сразу устраиваются в семьи.

пример:

Девочка Даша в семью была устроена в возрасте трех с половиной лет из дома ребенка. Для приемных родителей большой проблемой стало то, что в любом общественном месте девочка легко могла пойти на руки к тому, кто ласково с ней заговорит или просто проявит к ней внимание. Также она постоянно «терялась», стоило родителям отпустить ее руку в людных местах, потому что не имела привычки внимательно следить за своими родителями, держаться с ними рядом и подавать знаки – плакать, кричать, потеряв их из вида, как обычно делают дети ее возраста. Работа специалистов

была направлена, с одной стороны, на то, чтобы родители привыкли отслеживать поведение Даши так, как если бы она была ребенком гораздо более младшего возраста. С другой стороны, специалисты работали с Дашей на понимание ею разницы в отношениях и способах поведения с близкими взрослыми (семья) и со всеми остальными (социум). С течением времени у девочки сформировалось чувство привязанности к своей семье. В настоящее время ей десять лет, ее социальное поведение в целом адекватно, хотя сохраняется поверхностная общительность и доверчивость.

Дезорганизованная привязанность: эти дети научились выживать, нарушая все правила и границы человеческих отношений, отказываясь от привязанности в пользу силы: им не надо, чтобы их любили, они предпочитают, чтобы их боялись. Наличие привязанности помогает формированию у человека сочувствия другим и ограничивает в разрушительных действиях. Дети с дезорганизованным типом привязанности ничем не ограничены в своем разрушительном поведении и не испытывают сочувствия к другим. Специфическое ощущение «мне ничего не жалко, потому что нечего терять» дает им иллюзию свободы и силы по сравнению с другими людьми. Семья как тако-

вая ценна для этих детей тем, что там меньше, чем в учреждении, степень контроля. Их действия в отношении других людей или животных могут носить жестокий характер. Они не испытывают раскаяния по поводу совершенных действий и входят в группу риска по криминальному поведению.

Все вышеописанное характерно для детей, подвергавшихся систематическому жестокому обращению и насилию, пренебрежению интересами и никогда не имевших опыта привязанности (эмоциональное отвержение и насилие).

пример:

Два брата жили в семье с одинокой пьющей матерью, которая часто применяла физическое насилие в отношении детей (жестоко била). Также в семье была бабушка, которая уделяла внимание старшему внуку и игнорировала младшего, поскольку он не был ребенком ее сына. Когда старшему мальчику было десять лет, а младшему шесть, их кровная мать была лишена родительских прав. Бабушка не могла взять опеку над детьми, поэтому они попали сначала в приют, а затем в детский дом, где для них довольно быстро нашли приемную семью. Оба ребенка были привлекательны внешне, физически здоровы, их интеллектуальное развитие было

близко к возрастной норме. К моменту семейного устройства было известно, что ни к кому из кровных родственников пойти жить дети не могут, и мальчики сознательно согласились жить в приемной семье, которая им понравилась. В этой семье были мама и папа с опытом воспитания собственных детей. Старший мальчик достаточно быстро адаптировался в семье, хорошо учился в школе, и его отдельные поведенческие проблемы были решаемы. Младший ребенок, которого очень полюбила приемная мама, в семье постоянно провоцировал конфликты. В контактах со сверстниками был агрессивен (склонен к жестоким дракам) и деструктивен; имея сохранный интеллект, категорически не хотел учиться в школе. Он очень рано стал пробовать курить, воровал. В любых социальных ситуациях мальчик не принимал никаких правил, кроме своих собственных. В возрасте двенадцати лет его поведение стало совершенно неконтролируемым, и никакие усилия родителей и специалистов не могли изменить ситуацию. Мальчик возвратился в детский дом. Были предприняты еще две попытки устроить его в приемные семьи, он не прижился нигде, и все родители говорили одно и то же: «Он ни к кому не испытывает привязанности, его поведение невозможно контролировать». Для специали-

стов стало очевидным, что усилия по формированию привязанности у этого ребенка ни к чему не приводят, и все, что можно сделать – это просто добиваться снижения деструктивности его поведения ограничениями и жестким контролем. В возрасте шестнадцати лет мальчика перевели в колледж с общежитием. Известно, что в дальнейшем он был замешан в торговле наркотиками, и в целом его поведение носило криминальный характер.

комментарий:

В этом примере очень важно, что у двух братьев был разный эмоциональный опыт в раннем детстве и разные особенности личности. Старший брат застал тот период, когда обстановка в семье была лучше: мать еще не так много пила, бабушка хорошо относилась к ребенку. По характеру старший мальчик был более оптимистичным, уживчивым, контактным и эмоционально теплым. Младший брат жил в гораздо более жестких условиях: семья была к этому времени в худшем состоянии и социально, и материально. Мальчик не получал эмоционального тепла ни от матери, ни от бабушки, подвергался жестокому обращению. Личностными особенностями этого ребенка всегда были выраженные лидерские черты, упрямство и настойчивость

в достижении своих целей.

Очень важно понимать, что не любые агрессивные/деструктивные проявления в поведении детей являются признаками дезорганизованной привязанности! Разрушительное поведение и непослушание может быть результатом негативного социального опыта, фазой отреагирования утраты, может быть обусловлено ситуативными причинами, возрастными кризисами и т. д.

Только в том случае, когда:

– имеется *комплекс признаков* расстройства привязанности, диагностированный специалистами (профессиональными психологами), соотнесенный с жизненной историей ребенка и его личностными особенностями;

– проводится профессиональная реабилитационная работа вкупе с попытками социальной реабилитации при участии взрослых, испытывающих эмоциональное тепло к данному ребенку;

– и ни то, ни другое не приводит к положительным изменениям в поведении ребенка и его отношениях с людьми в течение долгого времени, – *только в этом случае* можно делать вывод о дезорганизованном характере привязанности этого ребенка.

Все приемные родители сталкиваются с трудностями

ми в поведении и проблемами в отношениях с детьми. Родители могут чувствовать себя растерянными, сердиться на приемных детей. Очень важно не делать поспешных выводов на основе возникших сильных негативных чувств и прочитанных про дезорганизованную привязанность книг! Большая часть затруднений поправима, и большинство приемных семей преодолевают тяжелые периоды, так как настоящая дезорганизованная привязанность встречается нечасто.

Таким образом, у детей, разлученных со своими семьями, могут наблюдаться разные типы нарушенной привязанности. При первых четырех типах нарушений привязанности (негативная, амбивалентная, избегающая, размытая) детям требуется помощь приемных семей и специалистов. С течением времени многие душевные раны детей врачуются благодаря нормальной родительской заботе и опыту позитивных отношений со взрослыми, которые ребенок получает в приемной семье. Вмешательство специалистов требуется там, где родители не понимают, что происходит с приемным ребенком, или негативные проявления сохраняются абсолютно неизменными, несмотря на долгий срок жизни ребенка в благополучной ситуации.

При дезорганизованной привязанности, прежде

всего, необходим внешний контроль и ограничение разрушительной активности, а затем уже реабилитационные мероприятия. Однако дети с дезорганизованной привязанностью не так часто попадают в приемные семьи.

От чего зависит тяжесть последствий травматического опыта?

Родителям и специалистам, работающим с приемными детьми, важно не только иметь представление о нормальном ходе развития детей и о нарушениях в развитии, которые может вызвать неблагополучная привязанность. Важно также помнить, что не всегда самые тяжелые травматические события приводят к самым тяжелым последствиям. Некоторые дети, пережившие страшные трагедии, остаются эмоционально сохраненными и способными на любовь и доверие. А другие дети, оказавшись в ситуациях на сторонний взгляд «плохих, но не ужасных» – испытывают сильнейшие потрясения, которые серьезно нарушают их развитие и губительно сказываются на их способности к привязанности. Кроме того, некоторые примеры показывают, что условия жизни могут со стороны казаться одинаковыми, но на самом деле различаются для детей по ряду существенных моментов.

Степень травмированности детей, растущих в одинаково негативных условиях (учреждения, неблагополучные семьи) различается в силу индивидуальных особенностей (устойчивость к стрессу, тип нервной системы, темперамент и т. д.); играет роль также возраст ребенка. Именно сочетание конституциональных и личностных особенностей, а также всех нюансов жизненной ситуации и отношений со взрослыми обуславливает разную степень травмированности и разную способность к восстановлению у каждого ребенка. Важно не только знать жизненную историю ребенка, пришедшего в семью, но и правильно оценить, как сказались на конкретном ребенке разные события его жизни. Это поможет лучше понимать не только чувства, но и возможности ребенка в построении отношений в приемной семье.

Некоторые взрослые говорят, что для ребенка жизнь в детском доме – это хорошо, потому что есть положительные примеры выпускников детских домов. Но, к сожалению, процент проблемных выпускников детских домов заметно превышает количество успешных случаев социальной адаптации, которые являются скорее исключением из правила. Иногда жизнеспособность ребенка, природный оптимизм и активность помогают ему выйти с минимальными потерями из тяжелых жизненных ситуаций и достаточно быст-

ро восстановиться при попадании в благоприятные условия. Личный ресурс влияет на способность ребенка выдержать травму. Но для восстановления после травмы недостаточно только внутренних ресурсов. Необходимы благополучное социальное окружение, хорошие условия для эмоционального и познавательного развития и опыт нормальных отношений с людьми. Примеры успешного взросления выпускников учреждений действительно есть, и они важны. Однако эти случаи говорят не о том, что для детей правильно жить в учреждении. Правильно для ребенка – иметь свою семью и свой дом. Поэтому в первую очередь необходимо работать с социально неблагополучными семьями, чтобы сохранить ребенка в семье. В тех случаях, когда ребенка невозможно вернуть в его кровную семью, для полноценного восстановления после переживания утраты ему жизненно необходимы профессиональная реабилитация (психологическая, социальная и педагогическая) и приемная семья.

пример:

Мальчик Дима дважды изымался из кровной семьи. Он жил с матерью и бабушкой в комнате коммунальной квартиры. Мать жестоко с ним обращалась и пренебрегала его нуждами. В возрасте трех

лет ребенок попал в больницу с черепно-мозговой травмой, и далее был направлен в детский дом. Несмотря на задержку в развитии, благодаря занятиям со специалистами Дима стал быстро развиваться. Его способность к установлению отношений привязанности также была сохранна. Ему быстро нашли замещающую семью, и он переехал туда жить. Однако, согласно закону, при первичном изъятии ребенка кровная мать не была лишена родительских прав, а только ограничена в правах. Благодаря активности бабушки для матери была найдена работа, она на какое-то время прекратила употреблять спиртное, что подтверждалось справками из ПНД, и в квартире были созданы условия для проживания ребенка. Органы опеки приняли решение вернуть ребенка в семью. При этом социальные работники детского дома провели обследование кровной семьи и сделали свое заключение о том, что в семье нет ресурса для воспитания ребенка, а положительные изменения носят «формальный», «косметический» характер. По мнению социальных работников, мать имела серьезные психологические проблемы (в том числе попытки самоубийства в анамнезе), высокий уровень социальной дезадаптации, и у нее не были сформированы родительские навыки. Мотив возвращения ребенка был

скорее социальным и исходил от бабушки. Однако суд принял решение о восстановлении матери в родительских правах. Через два года после возвращения ребенка ситуация в семье вновь стала критической. Мальчик снова был изъят вместе с младшим братом и попал в социальный приют. Оттуда его перевели в тот же детский дом, где он находился после первого изъятия. Это было хорошо для ребенка тем, что в детском доме были взрослые, которые помнили его, знали его историю и хорошо к нему относились. Попадание в знакомую ситуацию – альтернатива хаосу многочисленных перемещений в разные учреждения. В течение года с Димой занимались психологи, педагоги, врач (у мальчика обнаружилось серьезное заболевание – гепатит С), также специалисты работали с историей жизни, были сохранены контакты с кровным братом – мальчика регулярно возили к брату в дом ребенка. Несмотря на серьезный травматический опыт (неоднократные перемещения, жестокое обращение) и проблемы со здоровьем, Дима обладал способностью к быстрому эмоциональному и интеллектуальному восстановлению. Он был эмоционально теплым, обаятельным и общительным, обладал высокой познавательной активностью. Спустя полтора года после вторичного изъятия в возрасте

семи лет мальчику нашли приемную семью, которая была полностью информирована обо всех его проблемах. Родители отнеслись к нему с полным принятием, между ними и ребенком достаточно быстро сформировалась взаимная привязанность. Сейчас Диме девять лет, он адаптировался и благополучно живет в семье, учится во втором классе общеобразовательной школы.

комментарий:

Этот пример показывает уникальность жизненной судьбы каждого ребенка, его ресурсов и возможностей. Также специалистам в области семейного устройства важно понимать, что просто возвращение ребенка в кровную семью без социальной оценки, реабилитации и сопровождения семьи – рискованное мероприятие.

Глава 3

О поведенческих моделях

Что влияет на поведение

Кроме того, что привязанность составляет смысл жизни для ребенка и обеспечивает его нормальное развитие, она также влияет на формирование поведения. Ребенок по реакциям родителей узнает, какое поведение желательно, какое – нет. Так родители целенаправленно формируют у своего ребенка то поведение, которое считают правильным. Но они должны быть готовы к тому, что ребенок также будет следовать не только их требованиям, но и их примеру. Это – основной путь, который учит, как себя вести. Привязанность же служит своего рода «закрепителем» в процессе научения – и не только в детстве. Чем более значим для нас какой-либо человек, тем больше мы ориентируемся на его мнение и даже начинаем подражать в поступках. Но в отличие от авторитетов, которые люди выбирают, став взрослыми, ребенок не выбирает себе родителей и семью. Это для него – данность.

Семья – источник самых первых представлений че-

ловека о жизни, о добре и зле, о том, что правильно и что неправильно, что хорошо и что плохо. Обычно с возрастом мы осознаем, что именно семья является для нас источником «системы ценностей». Даже если в дальнейшем эти ценности пересматриваются или отвергаются – все равно «точкой отсчета» является семья. Это же касается и бытовых привычек, обычаев, норм и правил повседневной жизни. Для большинства людей «привычное» – суть «безопасное» и «хорошее». И разница в представлениях людей о том, как должно быть «у нас в доме», может стать очень драматичной – при образовании новой семьи, например. Как раз об этом сказано: «любовная лодка разбилась о быт». Но почему же «разбилась»? Разве нельзя уступить, договориться, научиться новому, наконец? Можно – при условии, что готовность учиться и меняться, как способ поведения, нам свойственна. *Способы обращения с другими людьми также формируются и закрепляются в семье.* Как ведет себя с близкими в своем доме мужчина, женщина, ребенок, что и как они делают или не делают по отношению друг к другу – это и есть «поведенческие модели», которые мы усваиваем – причем раньше, чем способны их критически оценить.

Это очень важно понимать, строя отношения с приемным ребенком. Во-первых, дети долгое время учи-

лись вести себя совсем не так, как это желательно для приемных родителей. То, что долго формировалось, быстро измениться не может, на это потребуется время. Во-вторых, двигателем изменений, их стимулом станет *привязанность* к новой семье: по мере ее возникновения и укрепления поведение ребенка начнет меняться. Но степень изменений не может служить «мерилом» любви – отношения людей не арифметика. Не говоря уже о том, что с точки зрения ребенка его старания могут казаться ему более значительными, чем считают его родители. В-третьих, даже при благополучных отношениях с приемными родителями у ребенка могут появляться (или не исчезать) негативные поведенческие проявления из его прошлого. Это может быть частью процесса переживания утраты (см. главу «Горе и потеря», часть 1) или попыткой ребенка сохранить свою идентичность (см. главу «Место кровной семьи в жизни приемного ребенка», часть 3). То есть плохие поступки ребенка могут быть обусловлены вовсе не тем, что родители «плохо воспитывают» или он их мало любит.

И наконец, любые отношения – процесс как минимум двусторонний. Кроме особенностей детей есть особенности у родителей.

В каком-то смысле мы все – «родом из детства». Наш собственный детский опыт (имеются в виду не

только поведенческие модели отношений с родителями, но и принятие своих родителей) сказывается на способности быть родителем самому. Опыт жизни в семье, выстраивание отношений привязанности с близкими взрослыми, характер этих отношений становятся той основой, на которой впоследствии, когда дети вырастают, они строят свою собственную семью (Боулби Дж., 2003, 2004; Черников А., 2001; Боуэн М., 2008; Минухин С., Фишман Ч., 2006). Иногда выросшие дети используют свои семейные модели как «антиоснову», стараются делать ровно наоборот, но таким образом этот опыт все равно присутствует (Берн Э., 1998: понятия «сценарий» и «антисценарий»). **Надежды и страхи людей, связанные с близкими, семейными отношениями, во многом определяются удовлетворенностью их детской потребности в любви со стороны близких, в первую очередь – родителей. Очевидно также, что это не является чем-то неизменным, и любой человек все равно трансформирует, дополняет имеющийся у него жизненный опыт.** Тем не менее то, что ребенок узнал об отношениях за время жизни в семье – семейные роли, способы проявления тепла и поведения в конфликте, правила и традиции и прочее, – действительно является основополагающим в построении собственных дружеских и семейных связей для любого

человека.

И если люди собираются стать приемными родителями, им особенно важно понимать, какими были их отношения в детстве с родителями и насколько адекватны их ожидания в отношении приемного ребенка.

Именно поэтому хороший тренинг по подготовке приемных семей включает в себя не только занятия, посвященные психологическим проблемам детей, переживших разрыв с семьей, и тому, как с этими проблемами справляться близким взрослым. Он также включает в себя работу с будущими приемными родителями, направленную на понимание ими своих ресурсов и своих личностных проблем, которые могут проявиться в отношениях с приемным ребенком. Также одна из задач тренинга – помочь людям не только осознать эти трудности, но и разрешить их хотя бы частично. В своей работе тренеры, проводившие такие тренинги, многократно сталкивались с ситуациями, когда у семейных пар, много лет проживших вместе и не имевших детей, вскоре после тренинга или через некоторое время после того, как они брали приемного ребенка, появлялись собственные дети. Возможно, это происходило благодаря тому, что у людей разрешались какие-то внутренние проблемы в отношениях с их родителями, препятствовавшие возможности стать родителями им самим. Тренинг ста-

новился своего рода «катализатором» для внутренней работы по пересмотру и переработке негативно-го опыта. Необходимо также сказать, что иногда люди совершенно самостоятельно, без помощи специалистов преодолевают последствия своих травм. Но в любом случае для человека это осознанная и последовательная работа, направленная на изменение негативных внутренних установок, прощение и освобождение от старых обид, которые лишали жизнь радости.

пример:

Галина, 40 лет, была ребенком из вполне благополучной семьи, однако – по ее воспоминаниям – мама больше любила младшую сестру. И когда Гале было тринадцать лет, родители вместе с младшей шестилетней сестренкой уехали на пять лет за границу, оставив старшую дочь в Москве с бабушкой и дедушкой. Они объяснили это тем, что Галя учится в школе, и имеет смысл окончить школу в Москве, а видаться они будут в летние каникулы. Девочка чувствовала себя отвергнутой и очень часто утешала себя мыслями о том, что когда она вырастет, у нее будет своя семья и много детей, с которыми они будут любить друг друга. Когда Галя выросла, то не только родила троих собственных детей, но

и взяла троих приемных. У нее прекрасные отношения с детьми, они любят и понимают друг друга.

комментарий:

В данном случае речь идет о мечте-антисценарии: «У меня все будет наоборот». В родительской семье не было плохого обращения, но был недостаток родительской любви и принятия. Девочка компенсировала это, восполняя нехватку эмоционального тепла мечтами о будущем: так, будто оно у нее уже есть, проживая в своих мечтах те ситуации, где она любима, нужна, и рисуя себе благополучную ситуацию детско-родительских отношений. Это стало ее жизненной целью, которой она достигла, став взрослой. Самостоятельная внутренняя работа и позитивная цель привели к тому, что детская травма была преодолена. Кроме того, Галина знала на своем опыте, что такое быть недолюбленным ребенком, – и это дало ей возможность помогать таким детям.

Что касается кровных родителей, которым не удастся создать атмосферу «благополучной семьи» для своих детей, – чаще всего их собственное детство было таково, что модели «хорошего» родительского поведения у них не сформировались. Они смогли ро-

дить ребенка, но не смогли быть ему настоящей семьей.

Почему взрослые иногда не могут заботиться о детях

Причины, по которым у взрослых людей могут быть не сформированы или нарушены модели родительской заботы о детях, очень разнообразны.

Одна из наиболее распространенных – отсутствие адекватной родительской заботы в собственном раннем детстве. Если в родительской семье эмоциональное отношение к ребенку не было однозначно плохим, но отсутствовала нормальная забота о его потребностях, – велика вероятность, что когда такой ребенок вырастет, он также будет пренебрегать нуждами своих детей.

Другая проблема – эмоциональное отвержение. К сожалению, эта проблема возникает не только в социально неблагополучных семьях. Бывает, что в самой обычной семье ребенок переживает опыт *эмоционального отвержения* со стороны родителей, особенно болезненный, если отвержение было со стороны матери. В дальнейшем это может привести к потере надежды на возможность получения родительской любви и глубокой обиде, которая не всегда осознает-

ся самим человеком. В ответ на родительское отвержение дети внутренне тоже начинают отвергать своих родителей, «не принимают» их. Став взрослыми, они сталкиваются с амбивалентным отношением к собственной родительской роли. С одной стороны, на сознательном уровне есть желание иметь детей, а с другой стороны, на глубинном уровне – страх, что эти отношения могут принести боль и разочарование, которых человек не хочет. Очевидно, что такая амбивалентность становится психологическим барьером на пути к возможности самим стать родителями.

Еще одна распространенная причина невозможности нормально заботиться о своих детях – болезнь или неадекватное состояние родителей. Сюда можно отнести разные формы зависимостей (алкогольная, наркотическая, игровая), при которых нарушается волевая саморегуляция и система ценностей, и предмет зависимости начинает превалировать над всем остальным, в том числе даже над душевными привязанностями и биологическими инстинктами самосохранения и заботы о детях. Возникновение зависимостей имеет много разных причин, но часто сочетается с личностным инфантилизмом у людей, для которых предмет зависимостей становится единственным источником получения удовольствия от жизни и избегания трудностей.

Необходимо, однако, отметить следующее. Для наблюдателей «со стороны» является существенным прежде всего внешнее неблагополучие семьи (плохой уход за ребенком, социальная дезадаптация родителей). Для ребенка, живущего «внутри» семейной системы, самое существенное – эмоциональные связи с родителями. Если взаимная привязанность родителей и ребенка все же есть, для детей она становится важнее, чем ущерб, наносимый им зависимостью родителей или их болезнью.

пример:

В детский дом попал мальчик дошкольного возраста (шесть лет), изъятый органами опеки из неблагополучной семьи. Воспитатели детского сада жаловались на то, что ребенок неухожен, мама забывает забрать его из детского сада, иногда появляется в нетрезвом виде. Органы опеки выяснили, что мать мальчика, ее звали Катя, начала сильно выпивать и плохо заботиться о нем, когда отец ребенка (гражданский муж) попал в тюрьму. Однако она никогда не обижала ребенка, не подвергала его насилию, любила его. Дальнейшая работа

специалистов с мальчиком и его мамой, направленная на социальную реабилитацию матери, выявила следующий круг проблем: у матери всегда бы-

ли проблемы с уходом за сыном, но ей помогали муж и бабушка. С того момента, как муж попал в тюрьму, у нее началась депрессия, она стала выпивать, потеряла работу. При этом между матерью и сыном была взаимная привязанность, раннее детство мальчика было достаточно благополучным, оба родителя жили с ним вместе и любили его. По мере работы с мамой выяснилось, что она сама была приемным ребенком. Ее отец женился после Великой Отечественной войны, у него появилось двое детей. Через десять лет брака он полюбил другую женщину и ушел к ней из семьи. Это и была мама Кати. Но она умерла во время родов, и отец с новорожденной дочкой вернулся к своей первой жене, которая приняла его и растила Катю как родную. Катя до подросткового возраста не знала о том, что ее родила другая женщина. Однако, как часто бывает в случаях с «тайной усыновления», когда Кате было четырнадцать лет, из деревни приехали родственники отца и рассказали девочке о ее происхождении. Узнав историю своего рождения, Катя оказалась в ситуации, в которую зачастую попадают приемные дети: в ситуации конфликта верности приемной семье или кровной, в ситуации соперничества между ними. Катя, которая с рождения знала и любила свою приемную маму и не знала и

не успела полюбить свою кровную мать, заняла позицию негативного отношения к кровной матери, как к «разлучнице». Разговаривая об этом со специалистами, Катя говорила, что считает своей матерью приемную маму, а кровная мать для нее никто. Также она не хотела, чтобы ее сын, Митя, знал ее историю, и сама никогда не рассказывала ему об этом. Важно отметить, что девочка росла в равных условиях с братом и сестрой, с любящими их родителями, и двое других детей социально благополучны, имеют свои семьи. В детстве Катя хорошо училась в школе, занималась спортом. Сложности начались в юности, когда она связалась с неблагополучной компанией; тем не менее она окончила техникум, работала. Затем умер отец, и она стала жить со своим гражданским мужем вместе с матерью. В этот период было еще не очень заметно, что ей свойственна так называемая «родительская беспомощность», так как ее мать и муж помогали заботиться о ребенке и в том числе заботились о ней. Через полгода после того, как отец Мити попал в тюрьму, мать Кати, бабушка мальчика, умерла. Оставшись одна, Катя совершенно перестала справляться с заботой о ребенке и о себе, хотя в целом была интеллектуально сохранной и адекватной женщиной. Социальная служба проекта «Наша

семья» приняла решение работать над реабилитацией Кати с целью воссоединения матери с ребенком. Катя занималась с психологом, они обсуждали ее личностные проблемы. Была выявлена личностная незрелость и потребность Кати в родительской любви и заботе. Получая социальную и психологическую поддержку, которая отчасти компенсировала ей отсутствие ее собственных (уже умерших) родителей, Катя смогла прекратить пить, устроилась на работу, регулярно навещала ребенка в детском доме и брала его на выходные домой. Через год ее восстановили в родительских правах, и мальчик вернулся в семью. Однако вскоре выяснилось, что Катя не может жить самостоятельно, что ей нужна постоянная социально-психологическая поддержка извне. Как только она остается одна, она не в состоянии организовать собственную жизнь и жизнь своего ребенка. Важно, что именно непризнание Катей роли кровной матери, которая дала ей жизнь ценой своей жизни, было той закрытой темой, которая на самом деле имела очень большое значение для Катинной способности быть хорошей матерью.

комментарий:

В данном случае, так же как и в ряде других аналогичных, прослеживаются два важных момента. Пер-

вое: некоторые неблагополучные семьи в состоянии заботиться о своих детях, когда есть помощь со стороны социально-психологических служб. Необходимо отметить, что это вовсе не означает ежедневного присутствия специалистов внутри семьи. Чаще всего это регулярные контакты по телефону и периодические посещения, а также, что очень важно, это возможность для семьи в любой момент обратиться за помощью без риска репрессивного или негативного отношения. Второй момент: у многих неблагополучных родителей наличие зависимостей является вторичной проблемой, а первичны внутрисемейные психологические проблемы, в том числе собственный негативный опыт взаимоотношений с родителями в детстве и/или непризнание своих кровных родителей. В-третьих, этот пример показывает, что нередко дети оправдывают и любят своих неблагополучных родителей. Это не осознанное «принятие», это – безусловная любовь маленького ребенка, такой она будет не всегда, а до подросткового возраста.

Как бы там ни было, существуют социальные стереотипы в отношении неблагополучных семей: все они представляются совершенно опустившимися бомжами, алкоголиками, которые бьют своих детей

и являются для них «абсолютным злом». Но в жизни не все так однозначно, и об этом надо помнить. Иногда в семьях, которые «опустились» социально, сохраняется взаимная привязанность с ребенком. В этих случаях дети склонны входить в родительскую роль по отношению к своим близким взрослым, жалеть их, чувствовать за них ответственность. В таких ситуациях они очень мучительно переживают разлуку и нуждаются в сохранении непосредственных контактов (встреч) с кровной семьей.

Отношение к кровной семье

Отношение к кровной семье – пожалуй, самый сложный вопрос в жизни приемных детей и их семей. Каждый ребенок дар жизни получает от своих родителей, какие бы эти родители не были. Когда речь идет о принятии родителей такими, какие они есть, имеется в виду фактически принятие этого дара жизни и признание того, что он получен от этих конкретных людей. Это реальный факт, которым невозможно пренебречь. **Люди зачастую отождествляют понятия «принятие» кровной семьи и «одобрение» отдельных поступков родителей, в том числе очень плохих. Но это разные вещи.** Неприятие собственных родителей из-за того ущерба, который ребенок

понес в результате их действий, приводит к глубокому внутреннему конфликту, блокирует жизненные ресурсы человека и приводит к нарушениям формирования личной и родовой идентичности (Хеллингер Б. 2003, 2006; Шутценбергер А.А., 2001). Работая с детьми, чьи родители рано покинули их, плохо заботились или даже жестоко обращались с ними, очень важно помочь им осознать и выразить приемлемым способом свою обиду и гнев в адрес кровных родителей за нанесенный ущерб и недополученную любовь. Это очень сильные чувства именно потому, что за ними стоит потребность в любви. Эта потребность также должна быть признана вслед за тем, как будет выражен гнев. Необходимо помочь ребенку выразить, что он хотел бы быть любим ими; выразить его печаль по поводу того, что это невозможно. После этого с ребенком можно будет говорить о его потребности в настоящее время получать родительскую любовь и о том, от кого эту родительскую любовь получить реально: от приемных родителей, других близких людей.

пример:

Продолжим рассматривать пример про двух братьев, ситуация которых уже была описана в главе о нарушениях привязанности.

Мальчик Сева до десяти лет жил в неблагополуч-

ной семье с «пьющими» мамой и бабушкой. Бабушка любила мальчика и заботилась о нем, хотя все время выпивала. Мать Севы до четырехлетнего возраста мальчика старалась заботиться о нем, хотя была неуравновешенна. Однако затем она стала больше выпивать, ее поведение стало агрессивным, она била старшего сына, также жестоко обращалась со вторым сыном, который был младше на четыре года. Таким образом, у Севы был опыт привязанности и потребности в позитивном обращении, и в то же время – опыт жестокого обращения и отвержения со стороны матери. У младшего брата опыт положительных отношений был гораздо меньше, чем у старшего. В десять лет Сева был изъят из семьи вместе с младшим шестилетним братом, и спустя полгода после изъятия их устроили в приемную семью. Младший брат, имевший меньший опыт позитивных отношений с близкими взрослыми, с самого начала жизни в приемной семье отличался деструктивным поведением и неспособностью поддерживать хорошие отношения с людьми, хотя все окружающие были благорасположены к нему, поскольку он был симпатичным, активным, с нормальным развитием. Его пребывание в семье было очень проблемным; хотя приемная мама любила мальчика, но она не была в состоянии

контролировать его поведение, и когда ребенку было тринадцать лет, она вынуждена была вернуть его в детский дом.

Старший брат, Сева, легко адаптировался в приемной семье, был очень привязан к приемным родителям, хорошо учился в школе, хотя его социальное поведение вне семьи носило проблемный характер – он регулярно дрался. Приемные родители всегда были авторитетом для Севы, и его привязанность к ним носила тревожный характер: он был очень ориентирован на них, все время старался «заслуживать любовь», оценка родителей имела большое значение для него. Однако, когда Севе было шестнадцать лет, он внезапно стал очень сильно конфликтовать с родителями, и это нельзя было отнести только на счет подросткового кризиса, поскольку мальчик уже фактически вышел из подросткового возраста. Сева говорил, что не хочет жить в семье, что «все взрослые врут» и т. п. В связи со сложившейся кризисной ситуацией семья обратилась к детскому психологу, который раньше уже работал с мальчиком. В начале работы Сева вел себя вызывающе и достаточно грубо, хотя его личные отношения со специалистом всегда были хорошими. Когда психолог спросил Севу, почему он так воинственно настроен и чем перед ним «провинились» его при-

емные родители, которых он до сих пор так ценил и хотел жить с ними, Сева стал говорить о том, что все взрослые врут, пренебрегают чувствами детей. На вопрос, кто именно из взрослых сильнее всего его обманул и сильнее всех его ранил, мальчик задумался и после длительной паузы, уже совершенно в ином тоне ответил: «Моя мать». В этот момент его тон совершенно изменился, он перестал быть агрессивным, стал задумчив и грустен. Тогда психолог нарисовала ему на листе круг и попросила представить его, что этот круг – вся та любовь, которая ему нужна, чтобы он мог жить и хорошо себя чувствовать. И предложила закрасить ту часть круга, которая бы означала, сколько у него сейчас есть этой любви. Сева закрасил примерно две трети круга и сказал, что это то, что у него есть. Психолог спросила его, от кого, откуда он получает эту любовь. Сева назвал свою приемную семью, некоторых кровных родственников (в том числе свою бабушку и брата), друзей, других значимых для него людей. На вопрос о том, что же это за белая часть круга, Сева ответил, что это любовь, которую он должен был бы получить от своей матери. Когда ему задали вопрос, возможно ли от нее получить эту любовь, мальчик ответил: «Нет». Специалист спросила его, что он чувствует по это-

му поводу. Сева ответил: «Это очень больно». Тогда психолог сказала ему: «И ты вымещал эту боль на своих приемных родителях?» Мальчик ответил: «Теперь я понимаю, что да». Потом он сам задал вопрос: «Скажите, а эта боль когда-нибудь пройдет?» Психолог ответила, что эта боль будет утихать со временем, и иногда он будет даже забывать про нее, но она может возникать вновь, если что-то будет ему напоминать о ней. Например, вид благополучной семьи с маленьким ребенком, или, наоборот, если он увидит, как взрослые обижают малыша. Но если он вырастет и будет стараться хорошо заботиться о своем собственном ребенке, сознательно будет стремиться к тому, чтобы быть хорошим отцом, то, давая любовь своему собственному ребенку, он, таким образом, сможет облегчить свою боль. Поскольку у Севы был пример поведения его приемного отца, то он сам высказал идею, что да, ему есть на кого быть похожим, и он знает, как быть хорошим отцом. Затем психолог поговорила с ним о том, где он может хотя бы частично восполнить свою потребность в недополученной от своей кровной матери любви. И Сева стал говорить про свои отношения со своей приемной семьей и другими значимыми людьми. С этого момента его поведение в семье изменилось, и отношения стали луч-

ше.

комментарий:

В этом примере акцент сделан на опыте двойственного отношения в кровной семье к ребенку (жестокое обращение и хорошее обращение), который в значительной степени повлиял на его жизнь в приемной семье. Сначала мальчик легко адаптировался, хотя опыт жестокого обращения «прорывался» в социальной жизни (драки). В юношеском возрасте у Севы возник внутренний конфликт в процессе выбора «кем/каким мне быть», так как снова дал о себе знать негативный опыт прошлого. Благополучный исход ситуации стал возможен благодаря сочетанию целого ряда факторов: **элементы положительного опыта привязанности в раннем детстве; хорошие отношения в приемной семье; наличие профессиональной помощи и индивидуально-личностные особенности мальчика.** Важно еще раз подчеркнуть, что индивидуально-личностные особенности и устойчивость к стрессу у всех детей разные, и это влияет на характер проявлений последствий травматического опыта.

Этот пример показывает не только то, как боль из прошлого может разрушать отношения в насто-

ящем. Там очевиден момент «обобщения» и «переноса»: «мои родители плохо обращались со мной» – «все родители (взрослые) врут детям». Когда подобные выводы человек делает в момент взросления, это может привести к нежеланию быть родителем самому (ведь все родители – «плохие»). В данном случае так не произошло, поскольку мальчик вовремя смог осознать, что с ним происходит, и получил помощь в преодолении травматического опыта. Остается добавить, что на сегодняшний день этот мальчик стал взрослым мужчиной, он женат, у него ребенок и он заботливый отец.

Глава 4

Интеллектуальное развитие и привязанность

Бытующий социальный стереотип о том, что все дети из неблагополучных семей **страдают интеллектуальными нарушениями, безусловно, несправедлив**. Однако с формальной точки зрения для него есть все основания. Обследование интеллектуальной сферы специалистами при попадании детей в детский дом показывает объективное отставание от возрастной нормы. Органическая основа интеллектуальных нарушений может иметь место, однако это встречается не всегда. В большинстве же случаев мы имеем дело с социально-педагогической запущенностью и задержкой в развитии, как следствием родительской депривации и госпитализма³. *Корректная диагностика требует учета следующих факторов:*

Ситуативный фактор – попавшие в детский дом дети находятся в состоянии посттравматического стресса в результате разрыва со своей семьей и полной перемены образа жизни. Известно, что в стрессовых ситуациях способность логически мыслить тор-

³ См. словарь терминов на стр. 404.

мозится. Если травма проходит с течением времени, интеллектуальные способности восстанавливаются. Однако долго живущие в учреждении дети пребывают в ситуации пролонгированной травмы, когда душевные раны не излечиваются, а «консервируются»: дети продолжают переживать утрату семьи и отреагируют друг на друге негативные эмоции, что создает неблагоприятную для жизни и развития атмосферу.

Используемые методы диагностики – стимульный материал большинства методик ориентирован на то, что в каждом возрасте дети владеют определенным набором понятий и навыков. Дети, чей культурный уровень не позволил им овладеть соответствующими понятиями и навыками, не могут в целом ряде стандартных методик проявить свой истинный потенциал – просто потому, что они не понимают заданий.

Учет социального анамнеза – объективные причины отставания в развитии:

– Исследовательское поведение у всех живых существ носит врожденный характер. Познавательное развитие ребенка «тормозится» в *случае нехватки эмоционального тепла*, ощущения психологической небезопасности, порождаемого отвержением или невниманием со стороны родителей. Жестокое обращение ставит на первый план задачи выживания и создает хронический фон тревоги, которая провоци-

рует реакции замирания или хаотического поведения, носящие защитный характер и несовместимые с исследованием окружающего мира.

– «Обучение ведет за собой развитие» – эта фраза справедлива не только для целенаправленного обучения детей в школе. *Маленькие дети учатся через общение со взрослыми*, которые показывают им мир. Как мы уже говорили, забота взрослого о потребностях ребенка учит детей распознавать эти потребности и находить способы их удовлетворения (то есть учит навыкам самообслуживания). Речь детей развивается также через общение со взрослыми. Взрослые знакомят детей с предметным миром и миром человеческих взаимоотношений, способам обращения с вещами и поведения с людьми. Кроме семьи, как микро-социума, дети из неблагополучных семей ограничены также и в макросоциальном общении: их ближайшее социальное окружение культурно обеднено.

– Отсутствие адекватной развивающей среды. Предметная среда также является стимулирующим средством для развития ребенка. Игры, игрушки, так же как и разнообразные предметы, принадлежащие миру взрослых, способны вызвать интерес и пробудить активность ребенка. Излишне упоминать о том, что в большинстве асоциальных семей у родителей не только нет интереса к собственным детям и обще-

нию с ними, но и возможности для самостоятельного развития детей ограничены той бедной материальной средой, в которой они находятся.

Таким образом, очевидно, что у детей, попадающих из неблагополучных семей в детский дом, показатели при исследовании интеллектуальной сферы объективно будут значительно ниже, чем у их сверстников из благополучной среды. И связано это в первую очередь не с органическими, а с социальными и психологическими причинами.

Также важен вопрос о том, что является целью проводимой диагностики. Цель может быть в том, чтобы повесить на ребенка ярлык «отстающего» и получить повод для его перемещения в другое учреждение, особенно если его поведение не устраивает воспитателей. Если же цель состоит в профессиональной помощи ребенку, то диагностика будет направлена на выявление потенциала ребенка, его сохранных способностей и функций и создание индивидуального плана развития. Очевидно также, что интеллектуальное восстановление естественным образом идет вслед за эмоциональным и социальным восстановлением. Коррекция познавательной сферы не может быть отделена от эмоциональной реабилитации. И семейное устройство ребенка – наиболее естественный путь для его гармоничного развития.

пример:

*Дима попал в детский дом из интерната для детей с отставанием в развитии (VII вида⁴) в возрасте десяти лет. Из истории мальчика было известно, что в шесть лет у него умерла мама, отец с ними не жил. Поэтому после смерти матери мальчик оказался в детском доме. Через полгода мальчика усыновили. Однако спустя **шесть месяцев** мальчик стал плохо вести себя, не учился (его отдали в первый класс). Родители начали применять физические наказания и вскоре вернули ребенка в детский дом.*

Специалисты реабилитационной службы диагностировали у мальчика высокий уровень невротизации, аффективную неустойчивость, низкий уровень знаний и негативную (полное отрицание) учебную мотивацию на фоне сохранных интеллектуальных

⁴ В нашей стране для обучения детей с различными задержками развития существуют специальные учреждения, например, коррекционные детские дома (или коррекционные школы-интернаты) VIII вида – для детей, которым поставлен диагноз «умственная отсталость», VII вида – для детей с диагнозом «задержка психического развития» и т. п. В этих учреждениях дети не осваивают программу общеобразовательной массовой школы, они учатся по адаптированным программам и не могут в дальнейшем получать высшее образование, а только средне-специальное профессиональное. Предполагается, что дети получают образование в соответствии со своими возможностями.

способностей, высокий уровень тревоги и агрессии и недоработанную «острую» фазу переживания утраты. Кроме того, интересен комментарий самого Димы относительно семейного устройства детей: «Семья – это место, где можно пожить **полгода**, а потом вернуться в детский дом. Потому что там друзья, и учиться не трудно. А вообще родители ведь умирают, когда у них дети, и ребенку лучше в детском доме расти, чтоб никто не умер».

Очевидно, что неудача первой попытки помещения мальчика в семью была связана с объективными проблемами: непроработанная травма потери, помещение мальчика в новую семью в период проживания «острого горя» (прошло только полгода с момента утраты), отсутствие профессиональной помощи семье и применение родителями физических наказаний в отношении эмоционально неустойчивого ребенка. Также Дима переживал

сильный стресс, вызванный необходимостью одновременной адаптации к семье и вхождением в школьную жизнь, где требовалось выдерживать интеллектуальную нагрузку, непосильную для него в этот период. Все это неизбежным образом привело к разрыву отношений. Однако для мальчика причиной разрушения отношений с семьей было вовсе не это: он пришел к выводу, что просто «в семье боль-

ше полугода не живут».

С Димой работали психологи и педагоги реабилитационной службы детского дома. В течение полугода с ним прорабатывали переживания утраты и ложной ответственности за смерть своих родителей, негативное самовосприятие и страхи, травму повторного возврата и двойственное отношение к приемной семье (привязанность – обида). У мальчика была сохранна способность к привязанности, и он был эмоционально теплым и обаятельным ребенком. Это позволяло надеяться на возможность нового семейного устройства. Неврологические проблемы решались врачом-неврологом, который был в контакте со всеми остальными специалистами. Педагоги разработали индивидуальный учебный план с учетом истощаемости и неуровненности мальчика, целью их работы было восполнение образовательных пробелов и формирование более позитивного отношения у ребенка к учебе. Затем была подобрана семья из числа прошедших подготовку кандидатов с учетом необходимых требований: для этого ребенка важно было присутствие отца, также в этом случае от родителей требовалось иметь опыт воспитания собственных детей. Будущих замещающих родителей проинформировали не только об особенностях ребенка, но и

о вероятных трудностях при помещении его в семью – провокация возврата через полгода, негативное поведение и пр. Мальчик действительно сложно адаптировался в семье первые полгода, но сплоченность, эмоциональное тепло и устойчивость замечающей семьи, понимание происходящего приемными родителями и поддержка специалистов помогли преодолеть трудности. Дима живет в семье уже три года, любит родителей и братьев и любим ими, чувствует себя членом семьи, посещает обычную общеобразовательную школу и спортивную секцию (борьба), где делает значительные успехи.

комментарий:

В данном примере видно, как утрата, нарушенная привязанность и возникшие в результате эмоциональные проблемы «заблокировали» нормальный ход интеллектуального развития ребенка. И для того, чтобы восстановить познавательные способности мальчика, сначала нужно было дать ему опыт надежной привязанности и близости. Также большое значение здесь имело то, что и специалисты, и приемные родители опирались в оценке ситуации и выборе путей помощи Диме не на стереотипы и «диагнозы», а на тщательный анализ жизненной истории мальчика и оценку позитивных, со-

хранных сторон его личности.

Нередко бывает, что проблема может выглядеть как интеллектуальная, а на самом деле таковой не являться.

пример:

Вася, десять лет, попал в детский дом из семьи с родителями, лишенными прав за хронический алкоголизм и пренебрежение нуждами ребенка. Жестокое обращение в семье не было. Согласно диагностике, у ребенка был сохранный интеллект и низкий уровень школьных знаний. У воспитателей возникли трудности в отношениях с мальчиком в процессе приготовления уроков. Они обратились за помощью к педагогу и психологу. Педагогическое обследование показало снижение учебной мотивации относительно первоначального уровня и новые пробелы в знаниях. Обследование психолога выявило эмоциональную дестабилизацию, повышение уровня невротизации и тревоги у мальчика, связанные с отсутствием информации о кровной семье. Ребенок беспокоился, живы ли родители, не понимал, почему они не приходят к нему. В результате специалистами были предприняты следующие действия:

– прояснена ситуация с семьей ребенка, налажен

- контакт с кровными родственниками (встречи);
- была начата индивидуальная терапевтическая работа с чувствами утраты и привязанности ребенка;
 - ребенок стал принимать легкие успокаивающие и укрепляющие средства – настойка пустырника, витамины;
 - воспитателям были даны рекомендации по дозированию учебной нагрузки.

В ходе работы с психологом ребенку удалось выразить свои чувства и убедиться, что окружающие относятся к нему с пониманием и сочувствием. Поддерживающая терапия приостановила физиологическое наращивание аффекта. Изменения в режиме приготовления уроков и понимание воспитателями причин ситуативного снижения успеваемости сняло конфликтную ситуацию и напряжение в процессе обучения. Была организована встреча с кровными родственниками. Ситуация стабилизировалась, и успеваемость мальчика улучшилась.

комментарий:

В данном случае у мальчика не было никаких проблем с интеллектом, уровень успеваемости был показателем эмоционального неблагополучия, и если бы взрослые сосредоточились на решении учебных

проблем, это усугубило бы ситуацию и не дало бы никаких результатов. Понимание значения чувств в отношении кровных родителей для детей из неблагополучных семей важно для диагностики и реабилитации детей. Даже в тех случаях, когда эти переживания не выражаются напрямую, они всегда оказывают влияние на поведение и самочувствие детей.

Вопросы интеллектуального развития детей волнуют многих приемных родителей. Для большинства взрослых успехи ребенка в обучении – чуть ли не показатель «качества» усилий родителей. **Однако успешность семейного устройства зависит в первую очередь от формирования взаимной привязанности.** Как показывает практика, способность приемных родителей и ребенка полюбить и принять друг друга не связана решающим образом с возрастом ребенка и отсутствием у него проблем, в том числе образовательных. Даже в тех случаях, когда у ребенка был негативный жизненный опыт и сформировались отрицательные поведенческие модели в отношениях привязанности, прошедшие подготовку приемные родители могут дать ребенку альтернативный семейный опыт, и этот опыт может оказаться решающим для положительных изменений в его жизни. В

том числе для позитивных изменений в познавательной сфере, которые следуют за эмоциональным восстановлением ребенка, а не предваряют его.

Глава 5

Родительская депривация. Жестокое обращение

Понятие «родительская депривация» вошло в научный обиход в 60-е – 70-е годы прошлого века, когда врачи и психиатры стали признавать определяющую роль эмоциональной связи с родителями для развития ребенка. Говоря простым языком, «родительская депривация» – это лишение родительской любви и заботы, которое переживает ребенок. Нарушения привязанности, которые описывались выше, возникают вследствие родительской депривации. Депривация может быть вызвана разными причинами и бывает разной степени тяжести для ребенка. В зависимости от характера действий родителей и нанесенного ребенку вреда выделяют разные формы жестокого обращения.

Жестокое обращение. Формы насилия

Наряду с ситуациями, где в семьях есть социально-бытовые проблемы при сохранной привязанности

между родителями и детьми, встречаются случаи жестокого обращения и насилия по отношению к детям.

Физические травмы проходят быстрее, чем душевные. Для любого взрослого человека очевидно, что ребенок должен быть сыт, одет и здоров. Но это только «внешние» критерии благополучия, и они не являются однозначными признаками благополучия внутреннего. Долгосрочными и серьезными последствиями жестокого обращения становятся нарушения в формировании привязанности и складывающиеся у детей поведенческие модели, изменение которых требует альтернативного жизненного опыта и работы со специалистами.

В настоящее время в реабилитационной практике принято выделять **четыре формы насилия**.

Пренебрежение нуждами

В случаях, когда взрослые игнорируют жизненные потребности ребенка (не кормят, не одевают, запирают в доме, не играют, не покупают игрушек, не разговаривают, не следят за чистотой и т. п.), не только нарушается ход его естественного развития, но может возникнуть непосредственная угроза жизни. От пренебрежения нуждами, по статистике, умирает больше детей, чем от прямой агрессии. В то же время если

пренебрежение нуждами связано не с эмоциональным отвержением ребенка, а с общим бытовым укладом жизни семьи, то эмоциональная сфера ребенка пострадает меньше, чем его физическое и интеллектуальное развитие. Как уже упоминалось, у детей может даже сохраняться привязанность к семье.

Эмоциональное насилие

Оно возникает в ситуациях, когда ребенка оскорбляют словами, угрожают, издеваются и высмеивают, обвиняют, перекладывают на него ответственности за то, в чем он не виноват. Например, кровные родители могут внушать ребенку, что его отдали в детский дом за то, что он не слушался. Сюда же относится отсутствие эмоционального тепла: эмоциональное отвержение, игнорирование; угрозы самоубийства с целью контроля над поведением ребенка или другого родителя; вовлечение ребенка в конфликты между замещающими и кровными родителями, вопросы из разряда «Кого ты больше любишь, папу или маму?». Изоляция: установление безосновательных ограничений на общение ребенка со сверстниками, родственниками или другими взрослыми; запрет или ограничение без достаточных оснований на выход из дома. Социальное отвержение детей из детских домов

просто за то, что они «детдомовские», также является формой эмоционального насилия. При этой форме насилия в наибольшей степени страдает эмоциональное развитие ребенка. Поведенческие нарушения в этих случаях выражаются в том, что ребенок либо выглядит «забитым», либо склонен проявлять защитную агрессию (усвоение поведенческой модели «жертва-тиран»). Нарушения в области интеллектуальной сферы не обязательно могут быть сильными, это зависит от индивидуальной степени устойчивости к стрессу и от степени эмоционального насилия, которому ребенок подвергался (разовый или хронический характер унижений, наличие эмоциональной поддержки в жизни ребенка, опыт позитивных привязанностей и пр.). Физическое развитие может не пострадать.

Физическое насилие

Это побои и различные телесные повреждения от родителей, других взрослых или детей. Также это могут быть не опасные для жизни, но унижительные действия – «опущения». Очевидно, что физическое насилие чаще всего включает в себя эмоциональное насилие и пренебрежение нуждами. Поэтому при физическом насилии страдают прежде всего эмоциональ-

ная и интеллектуальная сферы. На поведенческом уровне у большинства детей, подвергавшихся физическому насилию, происходит усвоение агрессивных моделей поведения, которые не так просто изменить. Эти дети легко втягиваются в драки с другими детьми, провоцируют их сами, также могут проявлять агрессию в отношении самих себя, наносить себе телесные повреждения, попадать в ситуации физического риска. Также они могут портить свои личные вещи, одежду, игрушки. Кроме того, эти дети могут рассматривать бытовые обязанности в замещающей семье или в учреждении как что-то унижительное: «Я вам не раб, я вам не шестерка». Это происходит именно в тех случаях, когда пренебрегали эмоциональными потребностями ребенка и часто заставляли делать что-то нежелательное.

Относительно недопустимости физических наказаний в современном обществе происходит активная дискуссия. Многие люди считают, что недопустимо вообще физическое воздействие как форма воспитания. Другие, наоборот, полагают, что иногда просто не обойтись без шлепка или подзатыльника. Когда взрослые воспитывают приемного ребенка, о котором известно, что он подвергался физическому насилию, важно помнить, что:

– вряд ли у приемных родителей получится «впе-

чатлить» ребенка своими мерами физического воздействия, зато он получит полное право думать о них как о таких же взрослых, с которыми он уже имел дело раньше;

– дети склонны провоцировать привычные для них взаимоотношения, и взрослым понадобится умение противостоять этому, чтобы сформировать альтернативные модели отношений – те, которые более желательны с точки зрения самих взрослых.

Взрослым, испытывающим трудности в воспитании ребенка, подвергавшегося физическому насилию, было бы нелишне обратиться к помощи специалистов и воспользоваться литературой о воспитании без физических наказаний.

Сексуальное насилие

К этому виду насилия относят любые сексуальные действия по отношению к ребенку: прикосновения к гениталиям, эротические поцелуи, требование от ребенка этих действий, половой акт. Сюда же относятся вовлечение ребенка в наблюдения за действиями сексуального характера, показывание детям порнографии и привлечение их к таким съемкам, привлечение к проституции и пр. Сексуальное развращение может не нанести сильного физического вреда ребен-

ку, однако физическое развитие детей в этих случаях может либо затормозиться, либо опередить возраст. Первое происходит в тех случаях, когда для ребенка вовлечение в действия сексуального характера сопряжено с эмоциональной травмой. Ребенок чувствует, что с ним происходит что-то плохое, страдает от этого, ему хочется стать маленьким и незаметным, а иногда даже не хочется жить совсем. В других случаях, когда разращение ребенка происходит постепенно, становится условием «любви» и особых отношений со взрослым, подкрепляется подарками и привилегиями, ребенок становится «партнером» взрослого человека, и его физическое развитие начинает соответствовать происходящему. При этом ребенок в таких отношениях лишается детства, он слишком рано становится «партнером» по взрослым отношениям.

Само по себе опережающее физическое развитие ребенка не является признаком сексуального насилия. Это может быть признаком акселерации или раннего физического развития, свойственного, например, южным народам.

Интеллектуальное развитие при сексуальном разращении также не всегда нарушается, это зависит от особенностей ситуации и субъективного восприятия ее ребенком.

Физические признаки сексуального насилия не все-

гда возможно обнаружить, но сексуализированное поведение и эмоциональные последствия сексуального насилия носят долгосрочный характер и могут быть диагностированы даже спустя длительное время. Очевидно, что гораздо проще научить ребенка вести себя приемлемым образом, чем изменить эмоциональные последствия сексуального насилия. Способность доверять другим, вера в то, что ребенка можно любить без сексуальных отношений с ним, понимание семейных ролей и нормальных взаимоотношений в семье, ощущение своей ценности и самоуважение – все это нарушается в результате развращения. Если ребенок подвергся сексуальному насилию со стороны взрослых, подрывается базовая вера в то, что взрослые могут любить ребенка бескорыстно, просто ради него самого.

Зачастую бывает так, что для детей осознать, что с ними происходило, и рассказать об этом становится возможным, когда они вырастают и находятся в эмоционально безопасной обстановке. Например, через несколько лет после попадания в любящую приемную семью дети могут начать вспоминать и говорить о том, что с ними было в прошлом. Работа с последствиями сексуального насилия требует особых терапевтических подходов и проводится привлеченными специалистами профильных центров.

Обобщая тему последствий насилия, можно сказать, что травматические последствия сильнее всего проявляются в эмоциональной сфере: страдают самовосприятие, отношения с другими людьми, способность к привязанности. На уровне поведения могут сформироваться дурные навыки и негативные модели, которые можно скорректировать сравнительно быстро на уровне «переучивания», но корни этих проявлений находятся в эмоциональной сфере и потребуют более серьезной работы. Интеллектуальное развитие не всегда нарушается серьезным образом в результате насилия как такового. Скорее интеллект тормозится эмоциональными травмами. Душевные и телесные травмы необходимо врачевать с помощью врачей и психологов, а дурные навыки – перевоспитывать. И то, и другое требует времени. Некоторые негативные последствия жестокого обращения удастся исправить до попадания ребенка в приемную семью. Но в тех случаях, когда ребенок получил травматический опыт именно в семье, очень велика вероятность, что там же этот опыт и проявится, только семья уже будет не кровная, а приемная. По мере формирования новой привязанности поведение ребенка начнет меняться. Но в некоторых случаях требуется специальная терапия.

Завершая краткий обзор этой непростой темы, при-

ходится добавить, что *вынужденная и, как правило, необходимая мера* – отобрание ребенка из семьи, где есть угроза его жизни и здоровью, также является формой родительской депривации.

Глава 6

Как происходит отобрание ребенка из семьи и как его воспринимают дети

Решение об отобрании ребенка из семьи принимается органами опеки и милицией в тех случаях, когда, во-первых, социальное неблагополучие в семье носит хронический характер, и, во-вторых, существует непосредственная угроза жизни и здоровью ребенка. Подобного рода меры с точки зрения защиты интересов ребенка имеют смысл только в том случае, если в дальнейшем предполагается социально-психологическая реабилитация и кровной семьи, и ребенка. Однако в реальности изъятие обычно является «конечным пунктом» в реабилитационных действиях в отношении неблагополучной семьи, и **физическая безопасность ребенка достигается за счет его безопасности психологической**. В дальнейшем такая незавершенность в работе с неблагополучными семьями становится источником многочисленных социальных проблем.

Отобрание ребенка из семьи

Особенность реальной ситуации изъятия ребенка из семьи состоит в том, что с самим ребенком никто не обсуждает происходящего. То есть ребенок как бы является «объектом». Когда на территории какого-либо округа есть неблагополучная семья («семья группы риска»), представители органов опеки и милиции обращаются к взрослым членам этой семьи с предупреждением о социальных последствиях того образа жизни, который ведет семья: что они будут подвергаться административным взысканиям, штрафам, и что в конце концов они рискуют потерять родительские права. Но обычно подобные предупреждения приводят только к конфликтам с неблагополучными родителями и почти никогда не ведут к изменениям в их образе жизни. Точно так же крайне редко родители из семей группы риска способны самостоятельно перестать пить, устроиться на работу, прекратить собирать у себя пьяные компании и начать действительно заботиться о своих детях. Даже в том случае, когда они ограничены в правах и действительно хотят сохранить своих детей в семье, они просто не могут этого сделать. У большинства этих людей асоциальность связана с личностной незрелостью, от-

сутствием моделей адекватного родительского поведения, собственными психологическими проблемами и травматическим опытом. Алкогольная или наркотическая зависимость в большинстве случаев является вторичной, поэтому кроме собственно лечения физиологической зависимости требуется серьезная психологическая реабилитация. Социальное восстановление требует очень больших усилий, значительного волевого импульса и социального ресурса, которым эти люди не обладают. Для того, чтобы можно было сохранить ребенка в семье «группы риска», требуется специальная социально-психологическая реабилитационная работа со всей семейной системой. Предупреждения и угрозы смогут подействовать только в том случае, если альтернативой изъятию является социальная реабилитационная работа, которая предлагается семье. В настоящее время в нашей стране практика профилактической работы с семьями «группы риска» не развита. Поэтому после регулярных приходов представителей органов опеки и милиции в «домашние притоны» ситуация не меняется к лучшему, и после нескольких предупреждений принимается решение об отобрании ребенка из данной семьи, которое для самого ребенка неожиданно и непонятно. Очевидно, что мотив действий представителей органов опеки – защита ребенка и его прав. А что проис-

ходит с точки зрения ребенка? У ребенка была его жизнь, в которой, возможно, ему многое не нравилось, но, тем не менее, это был его привычный, «собственный» мир. Если родители не были крайне жестоки с ребенком и он не убежал из дома сам, то это означает, что отобрание происходит **против воли ребенка**. Дети такую ситуацию воспринимают как насилие, а представителей органов опеки и милиции – как агрессоров, виновных в их несчастье. Кроме того, в дальнейшем, когда начнется переживание утраты, дети станут скучать по членам своей семьи. Плохое со временем забывается, хорошее сохраняется в памяти, либо дети просто идеализируют своих родителей, поскольку нуждаются в любви к ним. В это время ощущение себя как жертвы, оправдание своих кровных родителей и агрессия в отношении «насильников» увеличивается и вымещается на сотрудниках детских учреждений, в которых находятся дети. Также дети вымещают агрессию и боль друг на друге, поэтому в детских домах нередки случаи жестокого обращения среди детей.

Основания для изъятия с объективной точки зрения обычно достаточно серьезны. В семьях «группы риска»

встречаются случаи жестокого обращения и сексуального насилия. Практически всегда присутствие пьяных компаний в доме и пьянство собственных ро-

дителей приводит к риску для жизни и здоровья маленьких детей. Очевидно также, что в таких условиях тормозится интеллектуальное развитие даже тех детей, у которых нет органических поражений и неблагоприятной наследственности. Тем не менее имеет огромное значение то, **как именно** происходит изъятие и что в дальнейшем будет происходить с ребенком. Если речь идет **об интересах ребенка**, то взрослые обязаны обеспечить:

- принятие всех мер для сохранения ребенка в семье (профилактическая работа с семьями группы риска);

- минимизацию травмы изъятия (психологическая реабилитация ребенка);

- после изъятия необходимо сделать все возможное для того, чтобы ребенок был возвращен в реабилитированную кровную семью (временное проживание ребенка в кризисном центре и реабилитационная работа с кровной семьей и самим ребенком);

- если возвращение ребенка в кровную семью невозможно, право жить и воспитываться в семье должно быть реализовано через нахождение замещающей семьи для ребенка (независимо от формы устройства);

- для тех детей, которые являются выпускниками учреждений, необходимо разрабатывать специ-

альные формы социально-психологической поддержки.

Только при условии реализации всех этих мер можно говорить о **действительной защите прав детей**. **Само по себе изъятие ребенка из неблагополучной семьи и помещение его в учреждение не является защитой интересов детей**. Ребенок просто из одной неблагополучной ситуации попадает в другую. Несмотря на старания отдельных энтузиастов и организаций, в большинстве детских домов не только невозможно обеспечить социально-психологическое восстановление ребенка, но и гарантировать физическую безопасность.

Одной из причин неэффективной работы существующей системы является то, что начиная с момента выявления неблагополучной семьи за защиту прав ребенка отвечают разные службы и организации: представители местных органов власти обязаны обеспечить, чтобы на вверенной им территории дети не находились в опасной для жизни ситуации. Поэтому для них изъятие – это самая простая мера при решении данного вопроса. За то, что будет происходить с ребенком дальше, они ответственности не несут. Представители учреждения, в которое попадает ребенок, заинтересованы в том, чтобы ребенок вел себя приемлемым образом в учреждении и не созда-

вал проблем. Что чувствует ребенок и что с ним будет происходить после выпуска из учреждения, далеко не всегда волнует персонал и не входит в сферу его профессиональной ответственности. После выпуска из детского дома дети поселяются по месту прописки, и внимание к ним со стороны общества прямо пропорционально степени их криминальности: то есть речь идет не столько о защите интересов и поддержке выпускника детского дома, сколько о защите общества от возможных деструктивных действий этого выпускника.

Поскольку в нашей стране не существует развитой системы психолого-социальной реабилитации семей группы риска, то возвраты детей в кровные семьи без адекватной реабилитационной работы в большинстве случаев не бывают удачными, чаще всего дети впоследствии попадают в детские дома уже навсегда. Однако опыт социального патроната в мировой и отечественной практике (Москва, проект «Наша семья», с 1996 по 2009 г.) показывает, что при правильной оценке ресурса семьи и наличии системы социальной поддержки и реабилитации часть неблагополучных семей может быть социально восстановлена. Для ребенка возврат в собственную реабилитированную семью, безусловно, является наилучшей формой семейного устройства. Устройство в приемную

семью должно происходить только в том случае, когда попытки реабилитации кровной семьи не удались или невозможны.

С точки зрения ребенка: «виноват и наказан»

Попробуйте представить себе следующую ситуацию: вы – ребенок, живете с мамой, бабушкой, братом и сестрой в своей квартире. Вам не всегда хватает еды, игрушек, но вы привыкли, что спите с братом и сестрой на одном диване. К маме с бабушкой периодически приходят какие-то люди, с которыми они вместе шумят и пьют на кухне, у мамы часто меняется настроение, в зависимости от этого она может обнимать вас или внезапно раскричаться и даже побить. От нее часто пахнет спиртным, вы знаете этот запах, но он для вас неразрывно связан с матерью. В соседних с вашим дворах вы знаете все закоулки и все интересные места для игр в округе, среди дворовых ребят у вас есть друзья и враги. Бабушка говорит, что осенью вы пойдете в школу, и там будет бесплатное питание, потому что у вас многодетная семья. Однажды к вам в дом приходят две женщины, про одну из них мама говорит, что она из милиции. Они разговаривают с мамой на кухне на повышенных тонах, ма-

ма начинает ругаться и говорит: «Это мои дети. Это никого не касается! Не ваше дело! Как хочу, так и живу! Преступников лучше бы ловили, чего к нам пристали!» и т. д. Потом они с бабушкой обсуждают, что надо бы маме найти работу, но нет ничего для нее подходящего, что бы ее устраивало. В течение недели в доме нет пьяных компаний, бабушка прибралась в комнатах. Но еще через некоторое время все опять становится как прежде: мама не работает, домой приходят разные люди, с которыми она опять выпивает. Затем как-то раз вы слышите разговор между мамой и бабушкой, что пришла какая-то повестка. Мама сначала плачет, а вечером они с бабушкой сильно напиваются. Утром мама говорит: «Проспали, ну и наплевать!» На следующий день утром раздается звонок в дверь. Полусонная мама на пороге ругается матом и пытается не впустить в квартиру пришедших, а бабушка говорит вам, чтобы вы собирались, что вы поедете в санаторий. Бабушка почему-то плачет, а в коридоре разгорается скандал, маму удерживают, потому что она пытается драться, ругается матом, что-то кричит про правительство, «сволочей из милиции» и т. д. Вы не понимаете, что происходит, но таких ситуаций в вашей жизни еще не было, и вы чувствуете, что происходит что-то серьезное. Вас вместе с братом и сестрой выводят из квартиры незнакомые вам

люди (их трое). Они говорят, чтобы вы не боялись, что вы поедете в санаторий, что там вам будет хорошо: вас будут кормить, у вас будет новая одежда и книжки. Вас сажают в машину, и вы куда-то едете. Затем машина останавливается возле какого-то здания, уводят вашу сестру и говорят, что она тут останется, так как здесь живут маленькие дети до трех лет. Вам это непонятно, но машина едет дальше. Машина долго едет, выезжает за город и останавливается возле какого-то забора. Ворота открываются, машина въезжает внутрь. Вы видите, что оказались на огороженной территории, вас со старшим братом выводят из машины. Вы входите в здание. Люди, которые вас привезли, говорят взрослым, которые встречают вас в вестибюле, ваши имена и фамилии, подписывают какие-то бумаги, говорят вам, чтобы вы не боялись, и куда-то уходят. Новые взрослые куда-то вас ведут, в помещении с кафельными стенами и полом вас раздевают, забирают вашу одежду, говоря, что «эту грязь невозможно отстирать и вам дадут другое». Потом говорят про каких-то насекомых и стригут вас налысо. Потом вас ведут мыться, и первый раз в жизни вы моетесь чем-то колючим, что дерет вам кожу, мыло щиплет глаза, и вы плачете. Кто-то вытирает вам лицо жестким вафельным полотенцем. Вам дают новые вещи и говорят, чтобы вы их одели. Вы не хотите, так как это не ва-

ша одежда, но вам говорят, что вашей одежды больше нет, что она вся сгнила от грязи и ее выкинули, и у вас теперь новая одежда – гораздо лучше старой. Вы одеваете пахнущую чем-то чужим и непривычную одежду.

Вас ведут по коридору, брату говорят, что его отведут в группу для старших детей, и вы теряете его из вида. Вас приводят в большую комнату, где стоит много кроватей. Вам показывают ваше место, говорят, что тумбочку вы будете делить с каким-то другим ребенком, что все дети сейчас на прогулке, но скоро они придут, и вы будете обедать вместе с ними. Вас оставляют в одиночестве в этой комнате, вы садитесь на кровать и ждете...

Какие чувства возникают при чтении этого текста, когда вы пытаетесь представить себя в роли ребенка в такой ситуации?

Какие появляются мысли, ощущения?

Каково это – такой отъезд из дома с незнакомыми людьми неизвестно куда?

Каково оказаться в незнакомом месте в полной неизвестности – что будет дальше? Разлучиться по очереди со всеми близкими и не знать, где они и будет ли возможность увидеть их когда-либо еще?

Лишиться всех своих вещей, включая нижнее белье и волосы?

Чего хотелось бы в такой ситуации от окружающих взрослых?

Если уж такой переезд необходим, как бы хотелось, чтобы он происходил?

Что бы хотелось знать про своих близких? Важна ли была бы возможность видеться с ними время от времени?

Очень часто люди не дают себе труда задуматься о том, что означает для ребенка расставание с семьей. «Ну, живет ребенок в детском доме – так у него жизнь сложилась, и нечего драматизировать ситуацию». Тем не менее для ребенка эта ситуация очень драматична. Первый шаг, который взрослые обязаны сделать, когда действительно интересуются жизнью ребенка, – признать его чувства в этой ситуации и то, что подобного рода событие не может пройти бесследно, потому что, по сути, является для ребенка крушением его мира.

Разлуку с семьей ребенок расценивает как отвержение («родители позволили этому произойти»), и результатом становятся негативные представления о себе и о людях. «Я никому не нужен», «Я – плохой ребенок, меня нельзя любить», «На взрослых нельзя рассчитывать, они бросят тебя в любой момент» – это убеждения, к которым в большинстве своем приходят дети, покинутые своими родителями. Один мальчик,

попавший в детский дом, говорил о себе: «Я – лишенный родительских прав». Это высказывание очень верно отражает суть происходящего: ребенок – жертва обстоятельств, но в результате он теряет больше всех. Семью, близких людей, дом, личную свободу. Это приносит боль и воспринимается как наказание. Любое наказание бывает за что-то, и единственное объяснение, которое могут найти дети в такой ситуации, – это то, что они «плохие». Безвыходность ситуации в том, что представления о себе в значительной степени определяют поведение человека. Представление о себе как о «плохом», боль от переживаемой жизненной катастрофы, обилие агрессивных поведенческих моделей в жизненном опыте (семья, социальное окружение) приводят к тому, что рано или поздно такие дети становятся социальными деструкторами. Чтобы прервать этот «фатальный круг неблагополучия» и действительно помочь ребенку, необходимо работать и с его переживаниями в связи с утратой семьи, и с травматическим жизненным опытом, прорабатывать его актуальные жизненные проблемы, находя альтернативные модели поведения. Дать возможность успешной социальной самореализации и помочь в формировании мотивов для нее. Отдельная задача в работе с ребенком – формирование позитивной модели будущего, навык постановки целей и их

достижения. Все это сложная, трудоемкая и кропотливая работа, требующая участия большого количества людей и системного подхода. Но без нее ребенок не получит «второго шанса» в своей жизни.

Глава 7

Дети-«отказники» или дети из неблагополучных семей – «что лучше?»

Важен ли для успешного усыновления опыт жизни в семье?

Болезненность процесса изъятия ребенка из семьи и информация о негативных последствиях жизни в неблагополучной семье становятся основой достаточно распространенного социального стереотипа: для ребенка лучше совсем не иметь опыта жизни в «плохой семье». Также многие считают, что хуже всего относятся к себе дети, пострадавшие от жестокого обращения. Однако практика показывает, что наибольшие проблемы с самовосприятием имеют дети, не имевшие никакого опыта близких отношений со взрослыми, – дети, от которых отказались в роддоме, так называемые «отказники». У них совершенно отсутствует опыт близких и доверительных отношений со значимым взрослым, через который ребенок обыч-

но и получает представление о том, что он кому-то важен и нужен, заслуживает любви и представляет из себя ценность. У таких детей не формируются модели поведения привязанности в раннем детстве, что важно не только для их благополучного устройства в семью, но и для последующей взрослой жизни и возможности быть родителями.

Тем не менее в нашем обществе считается, что для семейного устройства ребенок, «отказной» с рождения, – «самый удачный» вариант для родителей. Идея о том, что «ребенок – чистый лист», отношения с которым можно начать с нуля и формировать у него/нее желательные качества характера, черты личности, кажется привлекательной. В этом случае люди не отдадут себе отчет, что смотрят на воспитание приемного ребенка даже более идеалистично, чем в некоторых случаях на воспитание своих собственных детей. *Не все в воспитании детей зависит от родителей.* Родители не собственники ребенка, они передают ему жизнь, и рождаются дети для жизни. Любой ребенок в первую очередь Божий (или «природный» для тех, кто не верит в Бога), во вторую – свой собственный, со своими индивидуальными особенностями, заметными с рождения. И только в третью очередь – «родительский». Родители – самые главные люди для своих детей. Они любят своих детей, заботятся о них, от

них зависит, как реализуется тот потенциал, который заложен в ребенке. Их ответственность велика, но результат воспитания, то, каким человеком вырастет ребенок, зависит от многих факторов, не только от родительской любви и стараний.

Два действительно важных момента при семейном устройстве детей-«отказников»:

- необходимо, чтобы младенцы как можно меньше находились в учреждении без мамы или других близких взрослых (минимизация травмы *родительской депривации*);

- чем младше ребенок, тем больше времени есть для формирования привязанности к замещающей семье.

То есть с точки зрения защиты интересов ребенка желательно скорейшее помещение маленького ребенка в семью. Но это не средство для приемных родителей избежать проблем. По мере того, как ребенок будет расти, станут проявляться его природные особенности, как положительные, так и отрицательные, будут возникать закономерные возрастные кризисы, не говоря уже об обычных житейских конфликтах. Кроме того, опыт показывает, что качество привязанности также может быть разным, и иногда между приемными родителями и принятыми в семью подростками устанавливаются глубокие и доверительные от-

ношения, а младенцев, взятых в семьи в возрасте нескольких месяцев, родители могут возвращать, мотивируя этот шаг тем, что «не могут его/ее полюбить».

Что на самом деле происходит с детьми, от которых отказались при рождении?

В настоящее время существует достаточно много литературы о последствиях младенческой депривации в первые годы жизни ребенка: нарушения в формировании головного мозга и центральной нервной системы, неврологические проблемы и другие нарушения физического здоровья, связанные с отсутствием жизненно необходимого ребенку эмоционального тепла и контакта с близким взрослым. Именно общение с матерью в первые месяцы жизни стимулирует физическое, интеллектуальное и эмоциональное развитие ребенка. Фактические данные можно найти в работах отечественных и зарубежных исследователей (Spitz, R. A., 1945, 1946a, 1946b; Боулби Дж., 2003, 2004; Морозова Т., Довбня С., Бриттен С., Пакеринг К., 2010). Эта важная информация помогает опровергнуть распространенное мнение о том, что все проблемы детей-сирот связаны с «плохой генетикой».

Кроме физиологических проблем, ранняя младен-

ческая депривация приводит к нарушению формирования механизмов привязанности. Для детей из домов ребенка характерна уже упоминавшаяся «размытая привязанность». В этом случае не закрепляется сам механизм формирования близких отношений со значимыми людьми из-за их отсутствия. Потребность в привязанности сохраняется в силу того, что она врожденная, однако способность устанавливать постоянные отношения близости может нарушиться. Дети-«отказники» часто начинают называть «мамой» нянечек и воспитательниц. Может показаться, что для ребенка лучше иметь возможность хоть кого-то называть «мамой», чем не иметь такой возможности вообще. Однако в процессе таких отношений у ребенка формируется соответствующее представление о том, кто такая «мама»: это женщины, которые заботятся о бытовых потребностях ребенка, они могут уходить и приходить или пропадать совсем. Очевидно, что при дальнейшем семейном устройстве неизбежным образом возникают проблемы из-за расхождения между сложившимся у ребенка представлением о родительских ролях и тем, что ему предлагается в приемной семье. Например, приемных родителей может травмировать то, что ребенок не выделяет их как «значимых взрослых», может уйти с любым посторонним человеком на прогулке, ко всем идет на руки и т. д., и

это может продолжаться достаточно длительный период времени (год, два). Некоторые семьи впадают в отчаяние, решив, что они не имеют никакого значения для своего приемного ребенка и что так будет всегда. Бывает, это становится причиной возврата ребенка в учреждение.

Кроме физиологических и эмоциональных последствий родительской депривации важно учитывать психологический фактор «ничейности». С возрастом дети-«отказники» в учреждениях осознают то же самое, что и дети, изъятые из семей: то, что у них нет своего дома и своих родителей, и что этим они отличаются от других людей. Отсутствие информации о прошлом и каких-либо представлений о родителях приводят к тому, что дети сначала пытаются фантазировать, сочиняя себе «альтернативную историю» или заимствуя жизненные факты из рассказов других детей, а в подростковом возрасте переживают настоящий кризис идентичности, буквально озвучивая следующее: «Я не знаю, кто я и откуда. Я никто». Это не всегда так драматично и очевидно на первый взгляд, но обязательно проявляется в индивидуальной работе с ребенком.

В отличие от детей-«отказников» дети из неблагополучных семей обычно все же имеют опыт близких отношений со взрослыми. Их проблемы в фор-

мировании привязанности могут быть связаны с иными причинами: последствия жестокого обращения и пренебрежения со стороны взрослых. Но при этом опыт установления и поддержания отношений со значимым взрослым, на который можно опираться при помещении в новую семью, у них все же есть. Чаще всего их способность к привязанности остается сохраненной, а нарушения в формировании привязанности возможно скомпенсировать.

пример:

Мальчик Дима попал в детский дом в возрасте семи лет. В раннем детстве он был усыновлен, но семья оказалась неблагополучной, приемных родителей впоследствии лишили родительских прав за пренебрежение интересами ребенка и алкоголизм. В процессе изъятия кто-то из взрослых сказал ребенку буквально следующее: «Ты не переживай, они все равно тебе не настоящие родители, они тебе не родные». До этого ребенок не знал о том, что он приемный. При попадании в детский дом было отмечено, что мальчик социально и интеллектуально сохранен, и вел он себя в такой сложной ситуации достаточно спокойно и адекватно. Довольно скоро он начал выражать желание попасть в другую приемную семью. Отсутствие на тот момент доста-

точного опыта работы с детьми, переживающими утрату, не позволило специалистам правильно оценить происходящее. Ребенок находился в фазе отрицания процесса переживания утраты. И его внешнее спокойствие и безразличное отношение к случившемуся являлись просто шоковыми реакциями, а не подлинным равнодушием. Мальчику достаточно быстро нашли семью, однако спустя два месяца ребенок, у которого прекрасно складывались отношения с приемной мамой, начал портить вещи в доме, стал провоцировать конфликты «на пустом месте» и в конце концов собрал чемодан и сказал: «Отвези меня обратно в детский дом, иначе я тут все разнесу!» И это не было обычным «кризисом адаптации» (про адаптацию см. главу «Адаптация ребенка в приемной семье», часть 3). Агрессия в данном случае являлась проявлением острой фазы переживания потери, и разрыв отношений был неизбежен, как логическое завершение отреагирования утраты предыдущей семьи. Очень важное правило, известное людям, которые занимаются профессиональным семейным устройством: нельзя помещать в приемную семью ребенка, находящегося в процессе переживания горя. Это не лекарство для исцеления ребенка, а значительный риск того, что отношения с новой семьей могут не сложиться, и для

ребенка это станет закреплением механизма утраты семьи и повторной травмой.

Последующая работа специалистов с ребенком привела к тому, что выяснилось: мальчик сомневался в том, что его усыновители действительно были его приемными родителями. Поскольку он жил в этой семье, сколько себя помнил, и ему никогда не говорили о том, что он приемный, а благодаря «тайне усыновления» у специалистов детского дома никаких сведений о его кровных родителях не было, у Димы сложилась собственная версия произошедшего. Он думал, что это были его кровные родители, которые просто разлюбили его и решили от него отказаться, заявив, что они ему не родные. Мальчику было проще считать так, чем поверить, что взрослые дважды не захотели быть его родителями и заботиться о нем по непонятным причинам. Восстановление доверия в отношениях ребенка с персоналом детского дома, психологическая помощь ему в переживании утраты заняли около года. Прояснение личной истории Димы, восстановление последовательности событий, работа с трудными чувствами (обида, боль, гнев), формирование позитивной модели будущего составляли основную часть реабилитационной работы. В результате эмоциональное состояние мальчика стабилизирова-

лось, однако, несмотря на просьбы мальчика найти ему семью, две последующие попытки семейного устройства были неудачными. Каждый раз Дима провоцировал разрыв отношений. Двойной отказ, пережитый ребенком, привел к формированию амбивалентной привязанности: ребенок хотел и искал родительской любви, но попадание в семью для него автоматически означало грядущий разрыв отношений. И чтобы не дожидаться, пока его бросят, мальчик предпочитал разрывать отношения сам. Это не было сознательной стратегией, но все усилия специалистов по улучшению ситуации не принесли результата. Симпатичного, интеллектуально сохранного и социально адекватного мальчика оказалось невозможно устроить в семью. В подростковом возрасте, когда возникает сознательная задача формирования собственной личности, особое значение приобретает тема идентичности. «Кто я?», «Чей я?», «Какой я?» и т. д. – эти вопросы приобретают особую важность. У Димы в этом возрасте началось резкое ухудшение поведения, он перестал учиться. На резонный вопрос специалиста о том, почему он все это делает, мальчик ответил: «А зачем? Какой в этом смысл? Учиться, хорошо себя вести... зачем?» И на вопрос: «То есть для тебя потерялся смысл происходящего? Ты сам растерян?» –

тринадцатилетний мальчик ответил: «Я сам потерялся. В космосе». Дальнейший разговор с подростком выявил, что для него ощущение потерянности и дезориентации связано с отсутствием реальной информации о его происхождении, о тех людях, от которых он произошел. В этот раз, в отличие от предыдущих попыток, специалистам удалось найти сведения о кровной семье мальчика, узнать их имена, а также реальную дату рождения Димы, которая была изменена при усыновлении. Сами по себе эти факты ничего не меняли в повседневной жизни Димы. Также они не содержали чего-то приятного для него. Однако когда его спросили, как он себя чувствует, узнав все это, он сказал, что это определенно правда про него, и что он чувствует себя каким-то более значительным, настоящим. Через некоторое время у Димы восстановилась успеваемость, а поведение практически сразу после проведенной работы изменилось к лучшему. В семнадцать лет, незадолго до выпуска из семейной группы детского дома, в которой мальчик остался после прекращения попыток устройства в семью, Дима стал выражать желание разыскать свою кровную мать. Задача специалистов была не в том, чтобы «разрешать» или «запрещать» уже самостоятельному человеку делать то, что он считает нуж-

ным. Задача была в обеспечении психологической защищенности молодого человека в данной ситуации: чтобы он понял свои ожидания от этой встречи и заранее продумал варианты развития событий с их возможными последствиями. В том числе обсуждались вопросы физической и психологической безопасности. Для Димы очень важно было перейти от своих идеалистических желаний признания и принятия со стороны матери к рассмотрению всех других возможных вариантов развития событий: «не узнает»; будет пьяна; среагирует равнодушно; заплачет; будет агрессивна и т. п. Ролевые игры и беседы позволили последовательно рассмотреть разные варианты поведения мамы при встрече с ребенком, от которого она когда-то давно отказалась, а также возможные причины этого поведения. Важно было обсудить с подростком его ответные чувства, которые у него могли возникнуть в каждом из этих случаев. В результате в ходе этого взаимодействия мальчик частично получил необходимое для него переживание того опыта, который он искал. Кроме того, его представления о возможной встрече стали более реалистичными, и психологически он был в большей степени готов к тому, как могла пройти встреча. Мальчик принял решение написать письмо своей кровной матери – как вари-

ант наиболее дистантного и безопасного для них обоих первого объяснения. Он понял, что ему очень важно высказаться самому, даже в том случае, если он не встретит понимания. Мать на его письмо ничего не ответила. Также мальчик постарался разыскать информацию в интернете о своем кровном отце и выяснил, что тот уже умер. На вопросы специалистов, не лучше ли было бы для него всего этого не знать, Дима выражал однозначное мнение: «Я нормальный человек, и я хочу знать о себе то, что есть. Это важно для моего самоуважения и чувства собственного достоинства».

В настоящее время Диме двадцать два года, он учится в вузе, работает в сфере СМИ, живет самостоятельно в своей квартире, у него есть друзья и девушка.

комментарий:

Суть примера в том, что для детей-«отказников» нужна специальная помощь в восстановлении их жизненной истории. Этим детям важно знать правду о себе. Дело не в том, насколько она приятна, а в том, что знание правды восстанавливает ощущение адекватности себя, своего поведения, своих переживаний. **И задача взрослых – найти эту информацию для ребенка и предоста-**

вить ее, руководствуясь правилом «правда не должна уничтожать», а также поддержать ребенка в процессе переживания этой правды.

Проработка трудной информации, разделение чувств с ребенком в отношении его прошлого, эмоциональная поддержка создают у ребенка ощущение близости и защиты. Иногда это единственное, что могут сделать близкие взрослые: *нельзя отменить прошлое, но можно разделить с ребенком тяжесть его переживания.* Такой опыт становится альтернативой представлениям детей о том, что взрослым «все равно», что они бросают детей в трудных ситуациях. Это опыт внимания, заботы и любви, который вселяет надежду на лучшее будущее и восстанавливает подорванное доверие к людям.

Таким образом, мнение, что лучше не иметь никакой семьи, чем иметь плохую, поверхностно и основано скорее на стереотипах, чем на подлинном понимании проблем обеих ситуаций. Обе они сложны, но сказать, что какая-то из них лучше, будет неправдой – специфические трудности есть в каждой из них.

Кратко обобщая, можно сказать: в отличие от «отказников», не имевших опыта жизни в семье, дети, изъятые из кровных семей, таким опытом обладают. И он носит не только негативный характер. Важно, что у

этих детей есть определенные представления о том, что существует семья, из которой они происходят. Задача заботящихся взрослых – систематизировать этот опыт, «обезболить» негативные последствия и актуализировать и закрепить позитивную информацию. Механизм установления отношений привязанности у таких детей принципиально сформирован благодаря наличию самого опыта таких отношений с конкретными взрослыми, и это значимо при новом семейном устройстве. Что касается страха приемных родителей перед «наследственностью» – этот вопрос рассматривается отдельно в последующих главах книги. Здесь же хочется обратить внимание читателей на то, что большинство приемных детей, которые уже адаптировались в приемных семьях и любимы своими приемными родителями, раскрывают свой потенциал. Понятно, что среда оказывает формирующее влияние, но если бы не было хороших черт у ребенка, то нечего было бы и раскрывать. Много говорится о негативной наследственности, но при этом несправедливо игнорировать достоинства детей: у каждого из них есть свои способности, кто-то даже талантлив, и это они тоже получили в наследство от родителей и их предков.

Так что при устройстве в приемную семью и в случае с «отказниками» с рождения, и в случае с детьми

из неблагополучных семей могут быть и трудности, и положительные результаты. Главное – не поиск варианта, где «проблем будет меньше», а умение эти проблемы решать.

пример:

Лиза с Петей (брат и сестра) жили с кровной матерью, которая выпивала и недостаточно хорошо заботилась о потребностях детей, но она любила их, никогда не применяла насилия по отношению к детям. Когда Лизе было одиннадцать, а Пете восемь лет, мать заболела и умерла. Дети попали в детский дом. Старшая девочка имела серьезные проблемы в обучении из-за того, что нерегулярно посещала школу. В одиннадцать лет она с трудом справлялась с программой второго класса, при этом нейропсихологическая диагностика выявила интеллектуальную сохранность и хорошую обучаемость девочки. То же самое можно было сказать в отношении ее кровного брата. Оба ребенка были внешне привлекательными и общительными. При этом у старшей девочки было больше внутриличностных проблем, она была очень обидчива, вспыльчива, резко реагировала на все, что ей представлялось несправедливостью. Младший мальчик очень любил быть в центре внимания, ему требовалось

всеобщее восхищение. Дети были устроены в приемную семью к социально успешной и при этом эмоционально теплой и терпеливой маме. Постепенно между нею и детьми сформировалась привязанность и взаимное доверие. Оба ребенка, попавшие в приемную семью в возрасте двенадцати и девяти лет и обладавшие непростыми характерами, благополучно выросли. В настоящее время оба учатся в вузах, девочка уже получила квартиру, мальчик ожидает получения собственной жилплощади. Они любят свою приемную маму и сохраняют с ней близкие отношения.

комментарий:

Жизненной задачей приемной семьи становится не игнорирование того, что у детей была их кровная семья, а предоставление исцеляющего альтернативного жизненного опыта. Сохранение того хорошего, что дети получили от своих родителей, и избавление от негатива становится возможным именно в тех случаях, когда приемная семья становится настоящей второй семьей для ребенка. Именно любовь и принятие приемными родителями делают возможными реализацию потенциала ребенка и его восстановление после полученных травм. По сути, это становится для ребенка вто-

рым рождением.

Итак, в деле семейного устройства проблем нельзя избежать, но можно быть готовыми к ним наилучшим образом. Благополучие в приемной семье зависит не столько от особенностей ребенка, сколько от отношения к этим особенностям родителей. В воспитании и «отказных» детей, и детей «с историей» есть свои трудности. Хорошая подготовка родителей к принятию ребенка в семью, реалистичные ожидания и представления о психологических особенностях детей, переживших разрыв с семьей, а также гибкость принимающей семейной системы и принятие родителями ребенка – все это гораздо больше влияет на успешность семейного устройства, чем то, «отказной» ребенок или нет.

Глава 8

Утрата семьи: что теряют дети?

Интеллектуальные, эмоциональные и социальные нарушения, свойственные детям, воспитывающимся в учреждениях, объясняются не только плохим обращением в кровной семье, но также и фактом разрыва с этой семьей. Таким образом, мы говорим о *двойной пролонгированной травме*, поскольку на протяжении всего пребывания ребенка в учреждении сохраняется травматическая ситуация отсутствия нормальной родительской заботы и любви.

Попадая в учреждение, дети теряют:

– **Отношения с близкими людьми, привязанность.** Даже в тех случаях, когда отношения с родителями складываются плохо, все равно для ребенка это та семья, которую он знает, его самые близкие люди на свете. И ребенок не утрачивает надежды на изменения к лучшему. С одной стороны, привычные отношения дают ощущение стабильности и безопасности, с другой стороны – эмоциональные связи реальны, и утрата привязанности приносит боль, которая может переживаться не только душевно, но и на физическом уровне.

– **Микросоциум и доступ к информации о семье.**

Для ребенка семья – это мир, в котором он живет, на котором основываются его знания о своем происхождении, представления о своей личности. С утратой семьи ребенок утрачивает принадлежность к конкретным взрослым и оказывается в ситуации слишком ранней социальной эмансипации, которая в норме должна происходить уже после подросткового возраста. Неудивительно, что дети чувствуют себя потерявшими и дезориентированными.

– **Широкое социальное окружение, дружеские связи – макросоциум.** Дружеские связи и широкое социальное окружение отчасти компенсируют недостаток тепла и заботы, которые дети ощущают в своих кровных семьях. Для любого человека дружеские связи очень важны, но для детей из неблагополучных семей они важны особенно. Мир за пределами квартиры (дома) – территория, которую ребенок активно осваивает с трехлетнего возраста. Познавательная активность детей, самостоятельность, первые социальные контакты – все это оказывается под ударом в результате отрыва ребенка от семьи и попадания в учреждение.

– **Свой дом и имущество, личные вещи.** Материальная среда является продолжением личного пространства для человека. Все то, что мы называем «своим», име-

ет особую значимость для людей. Теряя «свое», любой человек всегда испытывает беспокойство, переживает. Утрата дома – одно из самых больших несчастий в жизни (достаточно вспомнить о беженцах, переселенцах...). Попадая в учреждение, дети теряют свой дом и все то, что считают своим, вплоть до одежды. Еда, игрушки, предметы обихода – все это по сути «общее», то есть ребенку не принадлежит, и сам он не имеет «своего места в жизни».

– **Контроль над собственной жизнью, ощущение безопасности.** Человеческая жизнь регулируется социальными правилами и законами, но внутри этих правил люди обладают определенной свободой выбора: у них есть свои желания, предпочтения и возможности хотя бы частичной их реализации. Дети не выбирают для себя «возможность» оказаться в детском доме, и внутри детского дома они тоже ничего для себя не выбирают. Их жизнь полностью контролируется извне, они становятся «пассивными объектами». Подобная утрата контроля над своей жизнью приводит к потере чувства психологической безопасности. Дом и семья – первооснова жизни ребенка, и их утрата означает для него, что все остальное тоже может исчезнуть, что ничего надежного и стабильного на свете нет. Кроме того, опыт пассивного существования усваивается детьми и через некоторое

время становится жизненным принципом: они не умеют и не хотят предпринимать самостоятельных усилий в устройстве своей жизни. Пресловутые «иждивенчество» и «потребительство» детей из учреждений – проблема, созданная существующей системой.

– **Социальный статус: «хуже других».** Дети, переживающие травму изъятия из семьи, испытывают душевную боль, а боль люди часто воспринимают как «наказание» за что-то, за какую-то свою вину. Кроме того, дети лишаются всего, что есть у других людей, и это также заставляет их чувствовать себя хуже других, «наказанными». Также для детей расставание с семьей означает, что их родители позволили этому произойти, то есть фактически «отказались от них». Это ощущение отверженности усиливается социальным реагированием. Для многих людей дети из детских домов – «неблагополучные», «умственно отстающие», «малолетние преступники» и т. д. Социальный статус этих детей объективно ниже, чем статус детей из обычных семей, даже неблагополучных.

Глава 9

Горе и потеря

Стадии переживания

Разлука с семьей сопровождается для ребенка сильными эмоциональными переживаниями, которые не всегда понятны или явны для окружающих.

Боль и потеря – реальные составляющие жизни. Когда кто-то умирает или происходят внезапные неблагоприятные изменения в жизни, люди, которых это касается, испытывают не только душевную боль, но и физические страдания в течение достаточно длительного времени. Дети, теряющие семью, узнают боль утраты слишком рано. В результате неблагоприятной жизни в семье и расставания с семьей у них страдают все уровни жизнедеятельности: физический, психологический, социальный.

У процесса переживания горя есть свои закономерности. Адаптация к серьезной потере занимает около года (иногда двух), особенности протекания и проявлений носят индивидуальный характер, однако структура, последовательность стадий – общая для всех людей независимо от возраста, пола и культурной

принадлежности. «Адаптация» означает не забвение и равнодушие, а свыкание с необходимостью жить с утратой, возможность как-то жить дальше.

Основная сложность при работе с детьми состоит в том, что у них нет моделей поведения в скорби, они не знают, что должны делать и чувствовать. Кроме того, их жизненный опыт еще не позволяет им понять, что утрата означает полную перемену жизни, лишение их того тепла и защиты, которые давали отношения с ушедшим человеком (или людьми). Облечь свои переживания в слова дети тоже не могут. Они как бы «замирают», и их поведение может выглядеть таким же, как всегда, – что сбивает с толку взрослых, ошибочно полагающих, что «дети не понимают» или «им все равно». Особенно часто это бывает при попадании ребенка в детский дом: воспитатели полагают, что отсутствие яркого протеста в начале перемещения означает, что у ребенка нет привязанности к его кровной семье, и изъятие для него ничего не значит. На самом деле тяжелые события, которые ребенок не может понять в силу возраста и с которыми не может справиться, поскольку они слишком разрушительны для души, вытесняются из сознания. Происходит «как бы забвение», своего рода «консервация травмы». Но с течением жизни, по мере взросления и развития сознания, ребенок вновь и вновь пе-

реосмысливает происшедшее с ним – и испытывает по этому поводу сильные чувства. Специфика переживания утраты семьи у детей – социальных сирот состоит том, что при попадании в детский дом они переживают это как «разлуку». Большинство надеются вернуться домой и продолжают ждать своих родителей, сохраняя представление о себе как о члене своей кровной семьи. Таким образом переживание утраты растягивается на годы. При попадании в приемную семью ребенок, который помнит своих кровных родителей, начинает испытывать «конфликт привязанностей» – пропорционально возникновению чувств к приемным родителям. Фактически попадание в приемную семью заново «запускает» процесс переживания утраты кровной семьи, и во многих случаях именно это делает адаптацию приемного ребенка трудной. Более подробно особенности переживаний детей, попавших из семьи в учреждение, описаны в части 2, в главе «Адаптация ребенка в учреждении», а особенности переживания разрыва с кровной семьей при попадании в приемную – в главе «Адаптация ребенка в приемной семье», 3 часть.

Почему важно знать особенности переживания детьми горя? Во-первых, это позволяет понимать, что происходит с ребенком и почему, и дает возможность взрослому человеку помочь ребенку. Во-вторых, в де-

ле семейного устройства необходимо уметь адекватно оценивать состояние ребенка: детям, продолжающим ждать кровных родителей, приемных родителей принять трудно. Наконец, дети, эмоционально «застрявшие» в одной из фаз переживания горя, не пережившие его до конца, живут не настоящим, а прошлым, и их поведение часто воспринимается окружающими как неадекватное. В таких случаях требуется профессиональная помощь, но чтобы распознать проблему, взрослые должны иметь о ней представление.

В этой главе будет приведена обычная последовательность стадий переживания горя. По изменению силы чувств и степени контроля над ситуацией процесс переживания горя подразделяют на следующие стадии:

начальная стадия (шок)

оцепенение, тревога, отрицание

Кратковременная стадия, когда ошеломление нарушает восприятие реальности, происходит своего рода «отключение» чувствительности, эмоциональной и физической. Длится от нескольких минут до 2–3 недель. В это время человек не чувствует душевной боли за счет защитной реакции психики – «диссоциации», но характерны вегетативные реакции тре-

воги: сердцебиение, напряжение мышц, потение, сухость во рту, нарушения сна и аппетита, желудочные расстройства. Повышение физического напряжения не может продолжаться до бесконечности: либо должна произойти разрядка и сброс напряжения, либо случится «срыв» и напряжение выльется в болезнь (инфаркт, инсульт и т. п.). На телесном уровне отрицание может выражаться буквальным «убеганием» от проблемы: например, драки, алкоголь, наркотики, мастурбация и пр.

На интеллектуальном уровне возникают реакции отрицания («не верю», «может, он оживет», «ничего не случилось»): человек уже *знает, но не в состоянии понять*, как такое могло произойти.

Если человек «застрял» на стадии отрицания более 3–6 месяцев, требуется помощь специалистов.

острая стадия (дезорганизация)

амбивалентность.

боль и ее отреагирование.

поиск. агрессия. отчаяние. утомление.

нарушения регуляции деятельности

В этой фазе горе обрушивается на человека всей тяжестью. Чем большее место в жизни занимало то, что потеряно, тем труднее человеку в этот период, длящийся от двух месяцев до года. Возникают силь-

ные переживания тоски и муки, связанные с необходимостью признать потерю и желанием удержать привязанность. В человеке как бы борются две реальности: реальность любви и реальность смерти/утраты. Боль и попытки ее утолить вызывают специфическую реакцию поиска:

- постоянные всепоглощающие мысли об ушедшем/ утерянном;
- поиск мест его бывшего присутствия и ожидание возможной встречи в какой-либо форме;
- нецеленаправленная беспокойная деятельность («занять время ожидания»).

Постоянное столкновение надежды (что случившееся – «неправда») с реальностью утраты постепенно подтверждает ее бесповоротность. Протест против факта потери, против вызванной этим боли приводит к агрессии: гнев по отношению к «ушедшему», поиск «виноватых» и причин происшедшего, враждебность к тем, кто пытается помочь, и ненависть к себе – характерные признаки подстадии острого аффекта.

Очевидно, что эффективно работать и учиться в это время невозможно. Расстройство деятельности отмечается также на бытовом уровне, страдают не только высшие психические функции – мышление, внимание, память, но и физические процессы на уровне нарушения автоматизмов.

Затем наступает спад эмоционального напряжения, изнеможение и апатия:

- снижение физической активности (упадок сил);
- мотивационные нарушения (все теряет смысл по сравнению с горем);
- интеллектуальные проблемы (аффект тормозит интеллект).

В эмоциональном плане изнеможение выражается депрессией, утратой интереса к жизни, незащищенностью и безнадежностью.

Сочетание отчаяния и утомления может привести к появлению мыслей о самоубийстве как способе покончить с болью и воссоединиться с «ушедшим».

Если на стадии шока важна физическая забота, то на стадии острого горя необходимо находиться рядом с человеком, оказывать эмоциональную поддержку (в т. ч. возможна работа с медиками и психологами) и помощь в организации дел. Если адаптация к потере не происходит более года и признаки острого горя не смягчаются, участие специалистов становится обязательным.

утихающая стадия (реорганизация)

восстановление

В это время происходит свыкание с потерей: человек способен вновь войти в жизнь, которая принимает

в расчет утрату, но не заполнена ею целиком. Важное значение для прохождения этой стадии имеет отыскание смысла в утрате – это позволяет соотнести ее со своим пониманием жизни, Бога или добра.

Происходит осознание того, что наихудшее случилось, человек принял это и уцелел, и теперь снова готов жить и расти – с памятью об «ушедшем» и ради него.

Признаки реорганизации:

- меньше слез;
- возврат физической активности и интереса к жизни;
- сосредоточение на настоящем и будущем, а не на прошлом;
- появление положительных эмоций, повышение эмоциональной экспрессии;
- восстановление самооценки;
- чувство защищенности.

Сила эмоциональных реакций и длительность стадий переживания горя могут различаться у разных людей, и у детей в том числе. На способность ребенка справляться со стрессом влияют следующие факторы:

- социальное и эмоциональное благополучие ребенка в момент травмы;
- опыт привязанности и близких отношений с дру-

гими взрослыми;

- присутствие и забота близких ребенку людей в момент травмы;
- физическое здоровье и индивидуальные особенности нервной системы;
- возраст и интеллектуальное развитие ребенка;
- индивидуальная динамика переживаний и способности отреагирования.

Личностные характеристики детей, помогающие им пережить стресс:

- активность и самостоятельность ребенка;
- самоуважение и вера в себя;
- уживчивость и способность обращаться за помощью, когда это необходимо;
- гибкость и способность приспосабливаться к новому;
- ответственность за кого-то, кроме себя.

Согласно выводам Мерфи и Моризэ (Vera Fahlberg, 1990), лучше восстанавливаются после стресса дети, которые находят для себя возможность:

- удалиться в безопасное место;
- отойти от окружающих на некоторое время, чтобы «прийти в себя»;
- использовать различные приемы для успокоения самого себя;

– снизить эмоциональное напряжение с помощью символических игр и фантазии.

В завершение этого краткого описания хочется добавить, что способность к восстановлению после жизненных травм является частью зрелой личности. Но когда травм слишком много, или они слишком сильны, и выпадают на долю детей, которые не являются «зрелыми личностями» в силу обстоятельств, способность к восстановлению во многом будет зависеть от помощи близких взрослых. От их способности внимательно и с сочувствием – не сентиментально или чрезмерно-тревожно, а именно сочувственно – отнестись к тому, что детям пришлось пережить.

Часть II

Ребенок в учреждении

Глава 1

Адаптация ребенка в учреждении

Дети попадают в учреждения в разном возрасте и по разным причинам. У некоторых детей родители лишены родительских прав за алкоголизм и пренебрежение интересами ребенка. Другие дети становятся «отказными» с самого рождения и ничего не знают о своих родителях. Третьи теряют родителей внезапно в результате жизненной катастрофы (болезнь, несчастный случай), а родственников, которые могли бы принять ребенка в семью, нет. Причины разные – результат один: ребенок оказывается в детском доме.

Очевидно, что в зависимости от особенностей характера, возраста, а также степени травмированности детей их реакции на попадание в учреждение будут различаться. Но в любом случае тяжелые переживания детей будут «выплескиваться» в отношениях с другими детьми и воспитателями. Кроме того, дети воспроизводят модели поведения, усвоенные ими

в ходе их предыдущей жизни, которая была в разной степени неблагополучной. Если не предпринять специальных усилий по эмоциональной реабилитации детей, то только у некоторых из них с течением времени негативные проявления смягчаются и исчезают. У большинства же деструктивное поведение закрепляется, усиливается и мешает принимать другие, более удачные модели поведения и позитивный жизненный опыт.

При попадании в учреждение первичная адаптация детей в основном подразделяется на три типа реакций.

Первый тип реакции – «Ничего не происходит» («замирание»)

Такие дети ведут себя как ни в чем не бывало, быстро приспосабливаются к обстановке, легко вписываются в детский коллектив и налаживают контакт с воспитателями. Первое время с ними нет никаких хлопот. Так происходит не потому, что ребенку все равно. Просто его жизнь в семье могла быть достаточно тяжелой, и внутренняя близость с родителями, надежда на хорошие отношения с ними была утрачена еще тогда, когда ребенок жил дома. Бытовые условия очевидно улучшаются: ребенок сыт, у него чистая по-

стель, своя одежда, его никто не бьет. И первое время ребенок не осознает, что попадание в детский дом означает полную перемену статуса и жизни. Он бессознательно воспринимает новый образ жизни как дополнение к старому, а не как безвозвратную смену одного на другое. Поведение ребенка в это время, по сути, является реакцией шока и отрицания в процессе переживания утраты. Для детей, не имевших опыта семейной жизни («подкидыши», «отказники»), переезд из одного учреждения в другое не является чем-то принципиально новым, поэтому их реакции не носят экстремального характера.

Однако с течением времени дети, изъятые из неблагополучных семей, начинают осознавать, что они потеряли свой дом и все связи с близкими и друзьями, которые у них были. Также проходит эффект новизны, появляются неприятные для ребенка моменты в отношениях с окружающими и в самом укладе жизни. В связи с этим у детей могут наблюдаться ухудшения сна, вспышки немотивированной агрессии или истерики со слезами, поведение становится неровным. Школьная успеваемость ухудшается. Это объясняется тем, что процесс переживания утраты семьи из фазы отрицания переходит в фазу дезорганизации и сопровождается соответствующими реакциями: тоска, переживание чувства вины, агрессии.

Это естественный процесс, когда старые связи оборваны и это уже осознается, а новые и равные по значимости связи еще не образовались. Ребенок начинает скучать по тому, что у него было, и печалиться об этом. Для этого периода характерна «идеализация» кровных родителей. Дети могут говорить: «Моя мама самая красивая»; «У нас дома было больше игрушек, чем здесь»; «А мой папа самый сильный» и т. д.

пример:

Мальчик, одиннадцати лет, был переведен из одного детского дома в другой. До трех с половиной лет он жил в семье, в учреждение попал из-за того, что в пьящей семье отец регулярно бил мать, в результате чего мать умерла, а отец попал в тюрьму. При попадании в новое место мальчик стремился к самоутверждению и, желая завоевать авторитет у сверстников, с гордостью рассказывал им, что маму он не помнит, а папа у него крутой и самый сильный. И что он будет как папа, когда вырастет. Излишне упоминать, что мальчик часто дрался и имел большие проблемы в установлении дружеских отношений с кем-либо.

комментарий:

Потребность в самоуважении и желание лю-

бить своих родителей зачастую приводят к тому, что дети сочиняют «альтернативную реальность» взамен плохого прошлого. Или игнорируют/переиначивают суть событий в своей семье (жестокий отец обозначается как «крутой»). Это не говорит о том, что ребенок на интеллектуальном уровне не способен отличить плохое от хорошего. Просто желаемое оказывается сильнее реальности.

Бывает и так, что дети говорят о своих кровных семьях плохо. Например, что их там не кормили, били, и что в детском доме – лучше. В этих случаях дети, во-первых, повторяют те фразы, которые часто слышат от окружающих взрослых. А во-вторых, их слова вызваны не здоровой критической оценкой того, что происходило в их семьях, а огромной обидой на родителей за недополученную любовь. Они выражают эту обиду критическими высказываниями, за которыми стоит желание быть любимыми своими родителями, иметь хорошую семью. Заботящимся взрослым (воспитателям) очень важно помнить, что даже те дети, которые ругают свои семьи, все равно привязаны к ним, хотя эта привязанность и носит амбивалентный характер. Взрослые могут испытывать самые разные чувства в адрес кровной семьи ребенка. Однако в разговоре с ребенком нужно быть осторожными и не го-

ворить плохо про его кровную семью, даже если он сам это делает. Подробнее о том, как говорить с ребенком про его прошлое и его семью, см. в части 3, в главах «Работа с жизненной историей ребенка в интересах приемных родителей»; «Работа с „Книгой жизни“»; «Задача приемного ребенка – „совмещение“ своих статусов, как члена двух семей»; «Тайна усыновления: кому от нее жить хорошо?».

Дети с типом реакции «ничего не происходит» попадают в учреждение с уже утраченной верой в нормальные отношения в своей кровной семье. Тем не менее процесса переживания утраты избежать невозможно. Дети все равно чувствуют печаль и страдают. Однако их поведение постепенно стабилизируется, входя в стадию «реорганизации» (последний этап переживания утраты), становясь более адаптивным и дружелюбным. Такие дети с удовольствием участвуют в общественной жизни учреждения, достаточно хорошо социализируются, и им легче принять ситуацию перехода в приемную семью.

Если вы обратитесь к личному опыту, то наверняка вспомните ситуации, когда вы знали и понимали, что происходит, но ваши чувства входили в противоречие с этим знанием, существовали вопреки ему. И должно было пройти время, иногда достаточно длительное, чтобы чувства пришли в соответствие с ре-

альностью (необходимость расстаться с человеком, который тебя не любит, потеря близких и несогласие с этой утратой; невозможность смириться с реальностью, с тем, что все изменилось навсегда). Помните, что вам помогало/мешало внутренне принять болезненную правду – какие реакции окружающих, близких; что предпринимали вы сами, чтобы смириться с неизбежным? С чем вы ничего не могли поделать, и что прошло само, с течением времени? Как менялось ваше внутреннее состояние с течением времени? Обращение к подобному опыту важно для того, чтобы напомнить себе: глобальные перемены в жизни людей связаны с серьезной внутренней перестройкой, и на адаптацию к ним нужно время.

Второй тип реакции – «Терминатор» («конфликт»)

Есть дети, у которых сразу идет острая агрессия на изъятие из семьи, и они бурно реагируют, вымещая свой протест на окружающих. Также некоторым детям свойственно адаптивное поведение в стиле нападения. Они стремятся себя утвердить, сразу захватить лидерство. Стараясь обезопасить себя, напугав других. Со временем первичные реакции острой агрессии смягчаются, особенно если наталкиваются

на активное сопротивление. Но в любом случае через некоторое время эти дети тоже начинают скучать по дому, могут плакать и постепенно начинают искать сочувствия у воспитателей, искать возможность иметь теплые отношения с кем-то из них. Они очень скучают по своим родителям и ждут их прихода, все время подчеркивают, что они обязательно вернуться в свою семью. Они делают это тем настойчивее, чем меньше оснований для подобных надежд, потому что все, что остается детям в этой ситуации, – жить иллюзиями и надеждами.

пример:

Гоша попал в детский дом в девять лет из неблагополучной семьи с одинокой пьющей матерью, к которой мальчик был сильно привязан. С первых дней в детском доме Гоша передрался со всеми детьми, портил вещи, грубил воспитателям. При этом он был интеллектуально сохранен, по-своему обаятелен, обладал чувством юмора и лидерскими чертами. Со временем негативные проявления в его поведении несколько смягчились, однако стремление к самоутверждению и протестному поведению у Гоши сохранялись. С мальчиком работал психолог, в ходе работы достаточно быстро проявилось, что для него неподчинение правилам – это проявление

силы и независимости. Также во всех играх и проективных методиках Гоша выказывал очень сильную привязанность к матери, а разлуку с ней он воспринимал как насилие, гнев за которое он также считал возможным выместить на сотрудниках учреждения, в которое он попал. При этом со стороны матери, которая пренебрегала интересами ребенка, но не была с ним жестока, отмечалось пассивно-отвергающее поведение. Она не стремилась видеться с мальчиком, находила всяческие оправдания тому, что посещала его редко, и, разговаривая с сыном, старалась переложить ответственность за происходящее на органы опеки, родственников, представителей учреждений и т. д. На рациональном уровне Гоша понимал, что происходит, поскольку был достаточно сообразительным мальчиком. Тем не менее, нуждаясь в матери, он всячески оправдывал ее и поддерживал ее модель поведения в этой ситуации, проявляя, таким образом, свою верность. Однако внутренний конфликт между лояльностью к матери и рациональным пониманием реальности приводил к поведенческим срывам. Задачей специалистов было примирить ребенка с происходящим, работать с его чувством боязни окончательно потерять мать и связанным с этим гневом. Также было важно поддерживать отношения ребенка с ма-

терью, поскольку он в этом нуждался, и смягчить конфликтные проявления со стороны Гоши в отношениях со взрослыми и детьми в учреждении. Спустя год можно было сказать, что мальчик адаптировался в учреждении, то есть его поведение оставалось трудным, но перестало быть экстремальным, у него был хороший контакт с отдельными взрослыми, мать не часто, но регулярно навещала его. Еще через год Гоша вернулся в свою кровную семью, так как его мать восстановилась в родительских правах.

комментарий:

Агрессивное поведение – это то, что труднее всего принимать в отношениях с ребенком, даже когда взрослый понимает причины такого поведения. Конечно, границы разрушительному поведению ставить необходимо. При этом понимание взрослыми истинных причин агрессивного поведения ребенка, во-первых, снижает остроту конфликта, а во-вторых, помогает сосредоточиться на истоках трудностей в реабилитационной работе.

Третий тип реакции – «Адаптивная стратегия» («активная ориентировка»)

Первое время (от нескольких дней до 2–3 недель) ребенок находится в некоторой растерянности от перемены обстановки и условий существования. Может грустить, чувствовать себя одиноким. Но при этом он старается знакомиться с обстановкой, старается запоминать имена окружающих его людей, назначение предметов, правила жизни в новом месте. С течением времени проявления печали и дезориентации исчезают, ребенок начинает чувствовать себя более уверенно, с окружающими устанавливаются дружеские отношения, он находит себе занятия по душе. Эмоциональное состояние становится более стабильным, а поведение – достаточно ровным. Такие дети тоже помнят о своем доме и скучают по нему, но в целом их реакции на перемещение не носят острого характера, они принимают ситуацию такой, как есть, и видят хорошие моменты в настоящем. Подобный тип реакций может быть связан с жизненной историей ребенка, в ходе которой он уже пережил утрату семьи и связанные с этим чувства, а также с его индивидуально-личностными особенностями (уравновешенность,

природный оптимизм, приспособляемость и т. д.).

Дети, которых перемещают из одного учреждения в другое, например, «отказники», переходящие из домов ребенка в детские дома, не проявляют острых реакций потери, однако их адаптивные стратегии также делятся на эти три категории («замирание», «конфликт», «активная ориентировка»), просто они могут проявляться более мягко. В момент перемещения из одного учреждения в другое у этих детей не возникает актуальных переживаний утраты семьи (хотя на глубинном уровне это присутствует у всех детей-сирот), но они теряют дружеские связи, отношения с воспитателями, к которым привыкли, знакомую обстановку. Однако, поскольку в целом уклад жизни в учреждениях носит общий характер и многое детям уже знакомо, такая адаптация для них не составляет большого труда.

То, насколько успешной будет адаптация ребенка в новом месте, будет зависеть от лояльности среды и присутствия

в ней взрослых, способных работать с ребенком и его психологическими проблемами в индивидуальном режиме (психолог, социальный работник, педагог).

Глава 2

«Столько горя в одном месте»: детская иерархия внутри учреждений

В любом человеческом коллективе по закону формирования социальных групп начинает складываться неформальная иерархия. В ней, в зависимости от существующих ценностей и распределения сил, появляются свои лидеры, вокруг которых собирается «группа поддержки». На периферии иерархии оказывается пассивная часть коллектива, и самую нижнюю часть занимают изгои (аутсайдеры).

Дети, попадающие в детский дом, чувствуют себя хуже тех, кто не потерял свои семьи и дома. Поскольку у каждого человека есть врожденная потребность ощущать себя хорошим и чувствовать принадлежность к значимой для него группе, многие дети начинают бравировать своим положением, защищаясь от своего несчастья и унижения. Одновременно с этим у детей есть протест против происшедшего с ними, поэтому они оправдывают свои семьи, стараясь сохранять позитивную семейную идентичность, и сплачиваются с «себе подобными», стремясь в своей жиз-

ненной ситуации найти опору и какой-то позитив для себя, что является вопросом выживания. При этом именно в отношениях между собой дети проявляют все накопившиеся отрицательные эмоции и реализуют усвоенные поведенческие модели, в первую очередь негативные. Замкнутое пространство детского дома, в котором собирается такое количество боли и гнева, неизбежно становится «взрывоопасным». Эта «взрывоопасность» может быть снижена серьезной индивидуальной работой с каждым ребенком, необходимость которой очевидна, но трудно выполнима в сложившихся условиях. До сих пор предпочтение отдается созданию многокомплектных (рассчитанных на большое количество детей) учреждений, нет специальных программ подготовки специалистов по работе с детьми-сиротами (психологов, педагогов, социальных работников), и специалистов не хватает, поскольку они не очень хотят работать в детских домах (тяжелая работа за небольшую зарплату). Кроме того, дети могут быть агрессивны не только друг с другом, но и с педагогами. Поэтому контроль за происходящим в детских коллективах осуществляется в основном за счет формальной дисциплины, в том числе иногда в качестве элемента «дисциплинарного воздействия» используется ресурс психиатрических лечебниц. С другой стороны, администрация детских до-

мов часто лояльно относится к «дедовщине» внутри детских учреждений, поскольку неформальные лидеры подчиняют себе детский коллектив, и для администрации поддержание дисциплины упрощается.

Бывают детские учреждения, в которых достаточно благополучная среда, как на уровне материального обеспечения, так и на уровне эмоциональной атмосферы. Но нельзя сказать, что их большинство. Как правило, даже исполненные гуманных идей педагоги, сталкиваясь с жесткими реалиями работы с детьми-сиротами в существующей системе, не могут найти эффективных подходов для реализации своих идей. Тогда они либо покидают систему, либо становятся сторонниками жесткого противостояния с детьми и силовых методов воздействия.

Лидерами в детском коллективе обычно становятся не только дети, обладающие сильным характером, но и те, кто не боится нарушать правила и стремится противопоставлять себя взрослым. Дети, потерявшие свои семьи, утрачивают доверие к взрослым, к их компетентности и способности заботиться о детях, поэтому они отрицают авторитет взрослых и их право на контроль. От детей в детском доме персонал часто слышит: «Вы мне не мать, что вы мной командуете!» Своим поведением они как бы говорят: теперь мы сами будем заботиться о себе. *Группа поддержки лиде-*

ра – это ребята, которые разделяют идеи, выражаемые лидером вслух, и солидарны с его поведением, хотя не всегда явно ведут себя так же. Лидер для них становится выразителем коллективного мнения. *Пассивная часть* коллектива – это дети, которые существуют сами по себе, не соперничают за первенство, однако подчиняются существующему внутри коллектива порядку. *Аутсайдерами* становятся слабые по характеру или сильно травмированные дети, не имеющие воли к сопротивлению, на которых можно безнаказанно выместить злость.

Иерархичность – это естественная форма существования любой устойчивой социальной группы. Качественное содержание иерархических отношений – либо диктат силы, либо иерархия без грубых насильственных проявлений – будет зависеть от позиции взрослых.

Когда взрослые формально относятся к своей работе и *попустительский стиль* воспитания преобладает в учреждении, а также в случае жестко *авторитарного подхода*, в отношениях детей друг с другом может возникнуть жестокое обращение и диктат сильных по отношению к слабым, старших – по отношению к младшим. Все дети, попавшие в учреждение, переживают дистресс и нуждаются в возможности выразить негативные эмоции: чувства гнева, боли. Когда

нет источника положительных эмоций в отношениях с другими людьми и нет со стороны взрослых сдерживающего контроля негативных поведенческих проявлений, вымещение злости друг на друга и эскалация насилия становятся неизбежными.

В тех случаях, когда взрослые (педагогический коллектив) уделяют внимание созданию позитивной эмоциональной атмосферы и неформально относятся к детям, заинтересованы в том, чтобы помочь им адаптироваться, а также препятствуют проявлениям агрессии, – отношения между детьми в учреждении носят более позитивный характер и общая эмоциональная атмосфера достаточно благоприятная.

Глава 3

«Игра в семью» на уровне учреждения.

Перенос родительских ролей на воспитателей

Зачастую от директоров детских домов можно услышать такие слова: «Наш детский дом – это одна большая семья». Такими словами педагоги стараются выразить, что они делают все возможное, чтобы дети чувствовали себя хорошо. И это действительно бывает так, педагогический состав некоторых учреждений для детей-сирот очень много делает для того, чтобы атмосфера в детском доме была теплой и благожелательной: организуются всевозможные кружки и творческие студии, используются элементы детского самоуправления и т. п. Однако по существу это означает, что в таком учреждении хорошая *коллективная форма жизни* для детей, в которой есть взаимная поддержка и эмоциональное тепло. Но это НЕ семейные отношения, и такой коллектив НЕ семья. Правильное положение вещей – когда учреждение служит реабилитационным центром для детей, которые

пребывают в нем временно, для получения первой социально-психологической помощи и дальнейшего устройства в семью. Это может быть либо возвращение в кровную семью после социально-психологической реабилитации родителей, либо устройство в замещающую семью. Сама природа и жизнь устроили так, что ребенку необходимы свой дом и свои личные близкие взрослые, которые дадут ему достаточный запас защиты и душевного тепла для того, чтобы он мог вырасти эмоционально здоровым и жизнеспособным. Это объективная необходимость, а не условность. *Коллективное воспитание* существенно отличается от *семейного воспитания* и в социальном плане, и в индивидуально-личностном, и в плане формирования поведенческих моделей в человеческих отношениях. Бессмысленно сравнивать, что лучше, что хуже, поскольку обычно пребывание ребенка в учреждении диктуется жизненной необходимостью. **Но при этом важно помнить, что для ребенка естественно жить в семье, и, по возможности, это должно быть реализовано.**

Естественная потребность детей в родителях приводит к тому, что дети начинают называть окружающих их взрослых «мами» и «папами». Они так обращаются к воспитателям своих групп, директору детского дома, к педагогам. Это свидетельствует не толь-

ко о том, что взрослые хорошо относятся к детям и уделяют им индивидуальное внимание, но и о подлинных потребностях детей в семейных отношениях, которые дети и реализуют доступным им образом. Взрослым не стоит тешить себя иллюзией, что они действительно заменяют детям родителей в полной мере. Нисколько не умаляя роли тех педагогов, которые искренне относятся к детям и вкладывают много душевных сил в отношения с ними, нужно признать правду о том, что это отношения эмоциональной близости старшего с младшим, но это не отношения родителя с ребенком. Для многих воспитателей эмоциональные затраты в ходе работы с детьми компенсируются осознанием своей роли как «родительской». Для детей потребность называть «мамой» хоть кого-то очень важна, а воспитатель – это самый близкий из окружающих взрослых, и, естественно, наиболее подходящий на эту роль человек. С социальной точки зрения было бы правильно разделять роли «мамы» и «близкого взрослого», «старшего друга», «учителя», каковыми на самом деле и являются взрослые, работающие в детских учреждениях. Но требовать этого от взрослых, тратящих больше эмоциональных сил, чем они формально обязаны, и от детей, лишенных жизненной основы, достаточно сложно. По сути, многие воспитатели чувствуют, что когда ребенок начина-

ет называть их «мамой» – это выражение привязанности с его стороны. Для них в этой ситуации объяснять ребенку, что «я не мама», – все равно что отвергнуть его привязанность. Но на самом деле если воспитатель даст ребенку понять, что «ты мне дорог, хоть я и не твоя мама», то это будет лучше для всех. У детей из детских домов отсутствуют модели ролевых семейных отношений: «муж», «жена», «отец», «мать»... В их реальном опыте эти роли либо не представлены, либо существуют в негативном варианте, так же как и отсутствует опыт правильной заботы родителей о ребенке. Если дети отдадут себе отчет в том, что этот опыт, во-первых, им нужен, а во-вторых, у них отсутствует, то они будут открыты к его восприятию и будут искать, где его получить. При создании собственной семьи таким детям могут помочь примеры окружающих их семей, друзья, специальные курсы для молодых семей, обращение к старшим по возрасту людям в поисках советов, психологическая помощь, книги и фильмы. Очевидно также, что самое лучшее – это благополучный опыт жизни в семье, который ребенок может получить, живя с приемными родителями.

В тех случаях, когда ребенок, живущий в учреждении, не разделяет роль воспитателя и мамы, он, с одной стороны, получает хотя бы частичную замену отсутствующих родителей, и это облегчает его жизнь. С

другой стороны, у него формируется «общественная модель» отношений с окружающими людьми,

в которой нет разделения на «близких» и «дальних» и нет представления о приватности. В результате выпускники детских домов пытаются строить свои семьи по образу и подобию коллективных отношений. Выпускники детских домов, к сожалению, менее успешны в создании прочных партнерских отношений и собственных стабильных семей, чем дети из приемных семей. Причиной этого, кроме тяжелого жизненного опыта, являются усвоенные коллективные модели отношений, которые ошибочно принимаются детьми за семейные.

Если в учреждении удастся сочетать неформальное эмоционально-теплое отношение к детям с наличием границ в отношениях, когда взрослые позиционируют себя как наставники и старшие друзья, а детские группы – как команды, сообщества, группы сверстников и т. д., то это помогает детям удерживать границы и представления о социальных ролях. Для ребенка жизненно важен опыт любви и искренних отношений с близким взрослым. Но частью этой искренности является понимание обеими сторонами, кто они друг для друга. Называя себя «мама» или «папа», воспитатели не становятся от этого родителями ребенку, а подмена названий вносит путаницу. Важ-

ность роли взрослого в жизни ребенка определяется не «названием», а содержанием отношений. И хороший воспитатель иногда может дать маленькому человеку не меньше, чем хороший родитель.

Глава 4

«Неадекватное» поведение детей как реакция на стресс

У детей, изъятых из семей, достаточно много оснований плохо себя вести в учреждениях. Их трудное поведение – это результат эмоционального стресса и реакция на утрату, а также реализация негативного жизненного опыта, борьба за выживание в той ситуации, в которой они оказались. Недостаточные в условиях учреждения возможности для реабилитации детей оставляют педагогам один путь – стараться не допускать бесконтрольного выплеска и наращивания агрессивных проявлений со стороны детей с помощью ужесточения дисциплины. Например, когда реакции детей непонятны для взрослых или носят экстремальный характер, педагоги часто не видят другого выхода, кроме как положить ребенка в психиатрическую больницу. Тем более что по внешнему рисунку поведение детей зачастую вполне укладывается в разного рода психиатрические синдромы и может быть идентифицировано как психическое расстройство. При этом никто не ведет мониторинг развития детей и динамики их состояния, которое мо-

жет меняться с течением времени. То же касается интеллектуального развития детей. Специалисты, работающие с детьми, *обязаны* понимать закономерности психического развития, зависимость интеллектуального развития от эмоционального благополучия ребенка, роль родительской депривации и стрессов в торможении психофизического развития. Только в этом случае будет возможно **разделить травматические последствия, которые могут быть компенсированы семьей и реабилитационной работой, от объективных ограничений в развитии, которые не могут быть преодолены.**

пример:

Девочка Ира попала в семью в одиннадцать лет из коррекционного интерната. Приемной семье был известен диагноз девочки: «умственная отсталость легкой степени». Волонтеры, посещавшие детей в детских домах, знали эту девочку, и им казалось, что у нее нет подобного рода проблем: девочка была адекватна в общении, обучаемая, обладала хорошим творческим потенциалом – талантливо рисовала, шила. У специалистов, наблюдавших развитие ребенка в динамике, также возникали сомнения в диагнозе. На момент прохождения пси-

холого-медико-педагогической комиссии⁵ результаты, показанные девочкой, отражали скорее ее актуальное состояние, а не ее реальный потенциал. Возможно, диагноз был поставлен в тот период, когда девочка, росшая в неблагополучной семье, в которой были к тому же ограниченные возможности для развития, находилась в стрессе от утраты семьи и адаптации в детском доме. Кроме того, детские дома VIII вида не являются благоприятной для развития ребенка средой. Однако, прожив там пять лет, девочка не деградировала, а сохранила любознательность и благожелательное отношение к людям. Кроме того, к двенадцати годам ее способности в изобразительном искусстве были значительно выше возрастной нормы, хотя никто ее специально не учил. Все это послужило поводом для сомнений в верности поставленного диагноза. Волонтеры сообщили о ребенке в организацию, занимавшуюся подготовкой кандидатов в при-

⁵ Через психолого-медико-педагогические комиссии (ПМПК) проходят все дети, оставшиеся без попечения родителей и попадающие в учреждения. Эта комиссия проводит обследования детей, устанавливает психолого-педагогический статус ребенка. ПМПК имеет официальное юридическое полномочие выставлять медицинский диагноз. На основании установленного психолого-педагогического и медицинского статуса ребенка комиссия может дать ему направление в специальное (коррекционное) образовательное учреждение.

емные родители. Одна мама, прошедшая подготовку и уже имевшая опыт воспитания кровных и приемных детей, заинтересовалась девочкой. Они познакомились, у них сложился хороший контакт, и девочка перешла жить в семью. Приемная семья и общественная организация приложили много усилий для того, чтобы был снят неверно поставленный диагноз. В настоящий момент девочка учится в 9 классе общеобразовательной школы. Она занимается рисованием в художественной школе, играет на гитаре, изучает испанский язык.

комментарий:

На этом примере видно, что депривация и задержка в развитии в ходе поверхностного обследования комиссией были квалифицированы как умственная отсталость. Но в настоящий момент, после того, как ребенок прожил в благоприятной обстановке в любящей приемной семье пять лет, совершенно очевидно, что у девочки нет и не было этого диагноза.

пример:

Девочка Тома в поле зрения специалистов по устройству детей в семью оказалась в возрасте двенадцати лет. У Томы стоял диагноз «умствен-

ная отсталость средней степени тяжести», и было очевидно, что объективные проблемы в интеллектуальном развитии есть. Также в анамнезе у девочки было жестокое обращение и сексуальное насилие. Однако специалисты считали, что Тома обладает хорошим личностным потенциалом и может адаптироваться к жизни в обществе. Семья верующих людей с активной жизненной позицией, считавшая, что их задача – помочь ребенку, такому, какой он есть, приняла к себе девочку. Под словом «приняла» подразумевается полное принятие ребенка как личности, с учетом ее ограниченных возможностей и с верой в ее личностный потенциал. В результате к восемнадцати годам девочка окончила коррекционную школу, а к настоящему моменту – второй курс колледжа по специальности «швея», ходит в воскресную школу, активно участвует в жизни христианской общины. Она прекрасно осведомлена обо всех тонкостях ведения домашнего хозяйства, хорошо готовит, полностью соблюдает технику бытовой безопасности (хотя изначально некоторые специалисты утверждали, что в социально-бытовом плане она всегда будет на уровне трехлетнего ребенка). У нее прекрасные отношения с близкими и полноценная социальная жизнь.

комментарий:

Этот пример отражает тот факт, что дети с особыми потребностями (или, как у нас принято говорить, дети-инвалиды) при адекватном учете их проблем и возможностей, живя в семьях, могут быть успешно социализированы. Существует масса примеров, как дети с диагнозами, выросшие в учреждениях, становятся социально беспомощными и способными жить только в интернатах. И причина этого в большинстве случаев – не в их диагнозе, а в отсутствии адекватного социально-бытового опыта и позитивного опыта человеческих взаимоотношений.

Глава 5

Идентичность детей в учреждении: особенности формирования

Идентичность можно определить как устойчивое представление о себе и своем месте в социуме и мире. Это не просто знание о разных гранях своей личности, но и принятие себя таким, какой есть, с критическим отношением к недостаткам и признанием достоинств.

Сумма знаний о себе как результат анализа собственного жизненного опыта концентрируется в виде ответов на вопросы «Кто я?», «Какой я?». Но отношение к этому знанию, принятие себя возникает благодаря соотнесению с системой социальных координат, нормами и ценностями той семьи и того общества, в котором человек живет.

Личная идентичность по сути представляет собой структуру из трех основных компонентов. *Образ «Я» (когнитивная составляющая)* – это фактические знания человека о себе, о своих физических возможностях, внешности, характере, умениях и т. д., полученные из жизненного опыта. *Эмоциональная составляющая* — это переживания, чувства, которые

возникают у ребенка в связи со знаниями о себе, отношение к этим фактам как к хорошим/плохим, приятным/неприятным и пр., и задаются отношением ближайшего социального окружения к ребенку, в первую очередь его семьей. И *поведенческая составляющая* – это действия, поведение человека в социуме, связанное с этим знанием и его эмоциональной оценкой. Для того чтобы человек был способен ладить с другими людьми, преодолевать трудности и стремиться к самосовершенствованию, он должен верить в себя и воспринимать себя как «хорошего». Это не имеет ничего общего с гордыней, речь идет о здоровом отношении к себе и о понимании ценности своей жизни. На основе такого отношения как раз и возможна здоровая самокритика со стремлением исправлять свои недостатки и плохие поступки. Любовь взрослых учит ребенка любить себя и других. А любить – это значит не мириться с «плохим» и стараться это исправить. У детей-сирот в результате расставания с семьей («меня бросили – значит, я не ценность») и плохого обращения в семье личностная идентичность нарушается. Такие дети считают, что они хуже, чем это есть на самом деле. Существует большое количество литературы о том, как формируется личная идентичность, какие устойчивые личностные образования возникают в результате возрастных кризисов у детей. Цель этой

главы книги – обозначить те особенности личности, которые формируются у ребенка в результате утраты семьи и жизни в учреждении. На взгляд авторов, это важно, поскольку негативные особенности характера детей-сирот зачастую трактуются как «генетика» либо «испорченность», а на самом деле являются закономерными последствиями травматического опыта, с которым ребенок не справился.

Семейная идентичность представляет собой чувство принадлежности к кругу людей, которых ребенок считает своими близкими, а себя – похожим на них. Обычно это семья, в которой ребенок появился на свет. Рождаясь, ребенок физически отделяется от матери. Однако вплоть до подросткового возраста семья служит «психологической утробой», эмоционально питая и защищая ребенка. У человека чувство «Я» вырастает из чувства «Мы», и для него вопрос «Кто я?» по сути значит «Чей я?». Ощущение принадлежности – это альтернатива одиночеству, источник жизненных сил: «Это моя семья, я им нужен, меня любят – Я ЕСТЬ». Принадлежность семье не только определяет самовосприятие, но и задает вектор направления жизненного пути: «Откуда я?», «К чему я иду?». Дети – социальные сироты оказываются в ситуации чрезмерно ранней социальной эмансипации от семьи. Их личная идентичность еще не

сформирована, а семейная разрушается. И их психологическая жизнеспособность не выше физической жизнеспособности ребенка, родившегося значительно раньше срока.

Групповая идентичность – это ощущение принадлежности к группе, с которой человек связан социальными отношениями и общими ценностями. Отношения в группе не такие близкие, как в семье, но важны, поскольку принадлежность к группе является источником поддержки и понимания, ресурсом и своего рода ориентиром. В обычной жизни у людей их групповая и семейная идентичность различаются, дополняя и обогащая друг друга. Дети, изъятые из семей и попавшие в закрытые учреждения, теряют связь со своими семьями и не выбирают для себя группу, к которой они принадлежат. Специфика ситуации детей, живущих в учреждении, состоит в том, что кроме проблемной личной идентичности у них происходит смешение групповой и семейной идентичности. Этот вопрос нуждается в дополнительных социально-психологических исследованиях. Но о некоторых особенностях личностного формирования детей в учреждении, которые мы наблюдали за годы профессиональной деятельности в сфере семейного устройства, кратко расскажем ниже.

Живя в учреждении, ребенок сначала продолжает

считать себя членом своей семьи, в которой он родился. Но поскольку большинство родителей не поддерживают отношений со своими детьми, то со временем дети утрачивают чувство актуальной принадлежности к своей семье. И тогда они начинают называть «мамой» воспитателей, а своей семьей – детский дом. Однако дети, имевшие опыт семейной жизни, понимают разницу между жизнью со своими, пусть неблагополучными, родителями в своем собственном доме, и жизнью с коллективом детей, также лишившихся своих семей, в учреждении. Дети называют этот дом семьей, но в глубине души они чувствуют себя «ничьими», лишенными корней и одинокими, несмотря на коллективную жизнь. Отсутствие приватности, личного пространства и имущества, контроля над собственной жизнью и позитивных жизненных перспектив приводит к тому, что дети, живя в детском доме, не стараются стремиться к чему-то лучшему, живут одним днем. Такие дети идентифицируют себя с группой сверстников, и жизнь их определяется групповыми ценностями. Чувствуя себя отвергнутыми, они противопоставляют себя остальному социуму. Преобладание депрессивно-агрессивного фона приводит к тому, что агрессивное поведение, нарушение правил, а впоследствии – законов становится нормой жизни для многих из этих детей.

Одна из форм укрепления личной идентичности ребенка – индивидуальная «Книга жизни». Ее составление совместно со специалистом включает в себя работу с прошлыми травмами и их «обезболивание», восстановление хода событий в жизни ребенка и установление причинно-следственных связей, сохранение позитивной информации и восполнение пробелов в жизненной истории ребенка и его семьи. Эта работа необыкновенно важна, однако в условиях учреждения достаточно сложно ее организовать для каждого ребенка. Чаще всего то, что могут успеть сделать сотрудники детского дома для ребенка, – это создать для него индивидуальный фотоальбом, где фиксируются текущие события. Составление «Книги жизни» если и проводится, то уже после попадания ребенка в приемную семью силами самих родителей или с помощью психолога-консультанта (см. главу «Работа с „Книгой жизни“», часть 3).

Самостоятельно сохранить позитивное самовосприятие и стремление к самореализации удастся лишь небольшой части воспитанников детских домов. Некоторые из них в дальнейшем становятся социально успешными людьми. Обычно это бывает связано с тем, что сходятся четыре положительных момента:

– высокая жизнестойкость, унаследованная из семьи (семьи бывают разные, дети по разным причинам

попадают в детский дом);

- позитивные индивидуально-личностные особенности и таланты ребенка;

- благоприятная атмосфера в учреждении (хорошие воспитатели, дружеские отношения между детьми);

- отсутствие сильного травматического опыта.

У таких детей положительный взгляд на самих себя и стремление к позитивной самореализации – «я хороший и хочу хорошего для себя в жизни» – становятся движущей силой для достижения социального успеха. Однако это – единичные случаи, в целом жизнь в учреждении не способствует позитивному личностному развитию детей и снижает их шансы добиться жизненного успеха.

Полоролевая идентичность. Дети в учреждениях испытывают не только недостаток родительской любви и эмоционального тепла. Одновременно с этим они находятся в сильном напряжении, поскольку, с одной стороны, им не нравится то, что с ними произошло, но, с другой стороны, они ничего не могут изменить. Сброс физического и эмоционального напряжения может происходить через аффективные всплески (драки, истерики) и через сексуальную аутостимуляцию (онанизм). Нужно отметить, что само по себе возникновение «онанизма» является частью хода нор-

мального психосексуального развития детей. Ребенок сначала интересуется своим телом, узнает его, а потом учится соотносить свои физические импульсы и желания с моральными и социальными нормами своего ближайшего окружения. У детей в учреждениях достаточно часто встречается так называемый «невротический онанизм». Обозначение какой-либо формы поведения как «невротической» подразумевает, что она вызвана нервным напряжением в травмирующей ситуации, и при исчезновении невротизирующих факторов со временем проходит. Однако при неблагоприятном стечении обстоятельств этого не происходит. Неадекватное сексуализированное поведение некоторых детей из учреждений (навязчивое мастурбирование, вовлечение других детей в сексуализированные игры и действия, разговоры на сексуальные темы и пр.) может быть вызвано тем, что кто-то из них сталкивался в своей жизни с развращением со стороны старших. Кроме того, это становится единственным и привычным источником получения удовольствия и близких отношений в условиях депривации. Когда старшие дети вступают в пубертат, их сексуальный интерес начинает обуславливаться гормональным развитием. Несформированность культурных норм и морально-сдерживающего начала, а также недостаток контроля со стороны взрослых

может приводить к тому, что некоторые подростки в учреждениях могут вовлекать в разного рода сексуальные контакты не только своих сверстников, но и младших детей, в том числе против их воли. Эта проблема не является тотальной, однако она существует.

При этом на фоне «физиологической опытности» дети из учреждений могут быть совершенно некомпетентны в социально-ролевом общении. Отношения между мужчинами и женщинами, мужем и женой, родственные отношения – их представления в этих областях обеднены из-за отсутствия полноценного жизненного опыта и позитивных примеров. Проще всего им строить партнерские отношения с такими же выпускниками детских домов по принципу коммуны. В таких случаях соседи обычно жалуются, что квартиры выпускников – «проходной двор» или «коммуналка».

Одной из важных психологических особенностей детей в учреждениях являются личностный инфантилизм и эмоциональная незрелость. Эти дети знают жизнь не с лучшей стороны и зачастую гордятся своей «опытностью» и отсутствием иллюзий, чувствуя себя «маленькими взрослыми». Однако цинизм – это не синоним жизненного опыта. Видеть плохое в жизни – это не значит видеть жизнь объективно. Способность к сочувствию, моральная развитость, ответственность, стремление к достижениям, воля к пре-

одолению трудностей, целеустремленность, умение заботиться о ком-то и желание делать это – все эти качества являются неотъемлемыми для любой зрелой личности, но именно их формирование затруднено у детей, живущих в учреждениях. Невозможность исцеления душевных ран, неспособность справиться с травматическим опытом и отсутствие нормального детства тормозит подлинное взросление у детей-сирот. Закономерное и печальное следствие пребывания детей в учреждении – отсутствие у них поддержки со стороны близких, отсутствие людей, ради которых стоит жить, отсутствие жизненных целей, которые бы направляли жизнь, составляя ее смысл. Покидая учреждения, многие выпускники детских домов очень скоро начинают чувствовать свою беспомощность и неспособность «вписаться» в социальную действительность. Они остаются выброшенными из жизни и поэтому очень легко попадают под влияние криминальных авторитетов с их идеей «семейственности» и жесткой иерархией – и в тюрьму как в общественное учреждение. Многие девушки-сироты, не ценя себя как личность, не имея опыта семейной любви, становятся легкодоступны для сексуальных контактов и быстро попадают во власть сутенеров, поскольку им себя не жаль и трудно защищаться от давления. Некоторые из них просто ведут «неблаговидный» образ

жизни, «добирая» количеством сексуальных связей так необходимое им ощущение своей нужности и тепла.

Хочется еще раз подчеркнуть, что неблагополучие детей-выпускников детских домов связано не с их «испорченностью» или «генетикой», а является логическим следствием нерешенных психологических и социальных проблем. Безусловно, каждый взрослый человек несет самостоятельную ответственность и за свою жизнь, и за свои действия. «Трудное детство» не может служить оправданием для преступлений и для аморального поведения, но, к сожалению, оно действительно может быть их причиной. В задачу ответственных взрослых входит сделать все возможное для того, чтобы помочь детям-сиротам разрешить их психологические проблемы и помочь им в социальной адаптации.

Глава 6

Контакты детей из учреждений с кровными родственниками: почему это важно?

Для душевно здорового человека нормально иметь привязанности и сохранять постоянство чувств в отношении значимых людей, даже если с ними не видишься. Это естественная потребность человеческой души. Если она нарушена, это говорит о достаточно серьезных проблемах в сфере привязанности. Маленькие дети не могут критически оценивать своих родителей. Они их любят, оправдывают и идеализируют. Только в том случае, если обращение родителей с ребенком принимает очень жестокую форму, инстинкт самосохранения может взять верх над этой потребностью идеализировать родителей. Но и в случае, если ребенок уходит из дома и рассказывает о том, как с ним плохо обращались, – это не столько проявление объективной оценки, сколько попытка вспомнить, что с ними происходило, и актуальное переживание обиды.

При попадании в детский дом дети сначала испытывают шок с характерной для этого периода потерей

чувствительности. В это время они не особенно вспоминают своих родственников. Когда начинается фаза «острого горя», дети могут и сильно скучать по ним (депрессия, тоска), и ругать их (обида на недополученную любовь, обвинение, агрессия). Но в конечном итоге все дети начинают ждать прихода своих родителей, хотят видеть их. Посещение родителями означает для детей внимание с их стороны. Это подтверждение того, что ребенок для них значим, и возможность для ребенка убедиться в том, что родители живы и здоровы.

пример:

Девочка Вика попала в детский дом в три года. После того, как стало очевидно, что вернуться в кровную семью ребенку невозможно, было принято соответствующее судебное решение, и девочку поместили в приемную семью. Также из кровной семьи были изъяты два старших брата Вики, которые попали в приют. Причиной изъятия стали пренебрежение и алкоголизм родителей, но они не были агрессивно настроены в отношении собственных детей. Между Викой и кровным отцом была сильная взаимная привязанность. В связи с этим были сохранены встречи кровных родителей с девочкой на нейтральной территории (в детском доме) в режиме,

согласованном с приемной семьей. Девочка быстро адаптировалась и привязалась к приемной семье, но при этом помнила про кровных родителей, и ей было важно знать, что с ними все в порядке. Когда девочке было шесть лет, кровные родители из-за алкоголизма долгое время не выходили на связь с социальным работником и не виделись с девочкой. В результате Вика стала тревожиться, во время игр она могла начать бить игрушки со словами «опять пьют», брала игрушечный телефон, «набирала номер» и сообщала приемной маме, что ее родители умерли. В других ситуациях она говорила приемной маме, что ее кровные родители родили себе другую девочку Вику, а про нее забыли. В результате усилиями социального работника удалось организовать встречу, на которую пришли оба кровных родителя в трезвом состоянии, хотя по ним было видно, что алкоголизм прогрессирует. На встрече девочка много обнималась с ними, была разговорчивой, активной, а в конце сказала социальному работнику: «У меня в семье три мальчика и три девочки!» На вопрос, кто же это, она ответила, что три девочки – это сама Вика, «одна мама» и «другая мама», а три мальчика – это папа и два брата. Девочка была удовлетворена и успокоена тем, что встреча наконец состоялась, и она убедилась, что ее родители живы

и не забыли о ней.

Необходимо подчеркнуть, что Вика сильно привязана к своей приемной маме: она разделяет любовь к своим кровным родителям и любовь к своей приемной маме. Нечастые, но регулярные встречи с кровной семьей стабилизируют эмоциональное состояние девочки и вносят определенность в ее жизнь.

комментарий:

У детей может быть разная степень осведомленности о своей кровной семье и разная степень привязанности к ней. В каждой конкретной ситуации социальные службы должны оценивать необходимость и возможность сохранения контактов с кровной семьей и планировать форму, в которой они могут происходить. Когда у детей была привязанность к кровной семье и их изъяли по объективным показаниям, они вынуждены смириться со случившимся, однако их кровные родители не перестают иметь для них значение. Детям важно знать, что их родители и родственники живы и не испытывают к ним плохих чувств. Для ребенка то, что его родители приходят к нему и общаются с ним, означает, что он все-таки важен для семьи, в которой родился. Для приемных детей поддержание контактов с кровной семьей означает, что он не стал для род-

ственников «врагом» из-за того, что живет с другой семьей. В конечном итоге все это поддерживает в ребенке внутреннее ощущение права на благополучную жизнь и принятие близкими взрослыми.

В семьях, где родителям была свойственна социальная беспомощность (например, алкогольные семьи), но не было жестокого обращения и сохранялась привязанность между родителями и детьми, дети могут принять на себя «родительскую» ответственность за своих несостоятельных взрослых. Они начинают ощущать себя «маленькими взрослыми» и психологически становятся «родителями» для своих родителей: заботятся о них, переживают, пытаются контролировать. Таким детям особенно важно убедиться в том, что с их родителями все хорошо.

Кроме того, под «кровной семьей» подразумеваются не только родители, но и представители расширенной семьи, которые могут быть социально сохранены: бабушки, дедушки, тети, дяди. Эти люди могут в дальнейшем помогать ребенку в жизни. Также это позволяет сохранить семейную идентичность ребенка. Сохранение родственных связей и позитивных представлений о своей семье в целом позволяет использовать этот ресурс для реабилитации ребенка, дает ему возможность воспринимать себя как хорошо-

го, достойного члена своей семьи, у которого есть в жизни цель – сохранение и поддержание достоинства своего Рода.

Почему родители не навещают своих детей?

Кровные родители, в свою очередь, после изъятия ребенка из семьи в большинстве случаев испытывают, во-первых, *защитную агрессию* по отношению к социальным службам, милиции и в том числе к представителям учреждения, где находится ребенок. Никто из родителей не считает изъятие ребенка из семьи справедливым. Исключение составляют только те проблемные семьи, которые сами в сложной жизненной ситуации обращаются за социальной помощью, в том числе с просьбой о помещении ребенка в учреждение на короткий срок. Во-вторых, несмотря на то, что кровные родители пытаются сделать хорошую мину при плохой игре, они все равно *чувствуют себя опозоренными* (неполноценными, несостоятельными): общество признало их неспособными быть родителями. И поскольку большинство из этих людей – личностно незрелые, им свойственна инфантильная реакция обиды: «Ах, мы недостойны?! Ну и пожалуйста, сами воспитывайте моего ребенка!» Некоторые

родители действительно испытывают *стыд и вину* перед своими детьми, и это – третья причина, по которой родители могут не навещать своего ребенка в детском доме. Некоторые родители искренне могут полагать, что другие люди позаботятся о их ребенке лучше, чем они сами, и даже что их ребенку будет без них лучше. В-четвертых, они могут думать, что *ребенок забыл их и не нуждается в них*, особенно если ребенку нашли другую семью. Пятая причина: эти люди *не имеют представления о том, что испытывает ребенок*, оставшись без родителей, и какое значение для него имеют сведения о них и их внимание, сохранение контакта с ними. Это пять подлинных причин того, почему родители не посещают своих детей в детских домах. То, что «родители пьяные, а в пьяном виде их в детский дом не пускают», – это внешняя ситуация, а фактически для родителей это предлог избежать столкновения с реальностью, в которой они действительно виноваты перед своим ребенком.

пример:

Мать девочки Лизы выпивала, плохо заботилась о ребенке, но никогда не била дочь. Лиза была одаренной от природы, и в восемь лет, попав из детского дома в приемную семью, стала посещать кроме обычной школы балетную и музыкальную, и вез-

де добилась успехов. В обычной школе она была отличницей, в балетной и музыкальной участвовала в концертах и выступлениях. При этом у девочки сохранялась привязанность к кровной матери, для нее важны были регулярные встречи с ней, которые организовывали службы опеки по согласованию с приемной семьей. Когда у Лизы было важное выступление в одном из концертных залов Москвы, девочка позвонила кровной матери и пригласила ее прийти. Во время разговора мать была трезвой, приняла близко к сердцу успех дочери и приглашение, обещала быть на концерте. В день выступления дочери она собрала компанию друзей, напилась и на концерт не пришла...

комментарий:

У некоторых людей может возникнуть вопрос: зачем «тянуть кота за хвост», зачем травмировать ребенка искусственным поддержанием контактов с матерью, которая «безнадежна»?! Но, во-первых, девочке, которая была сильно привязана к матери, требовалось время, чтобы принять ситуацию расставания. Кроме того, Лизе было важно самой убедиться в том, что нет перспектив в отношениях с матерью. Также ей было очень важно, что ни приемная семья, ни социальные службы не препятство-

вали ее контактам. Для нее это означало их поддержку и понимание, с одной стороны, с другой – показывало, что нет никаких внешних препятствий, что все дело действительно в позиции матери и в состоянии ее здоровья. Девочка еще не осознавала, что они с матерью теперь принадлежат к разным социальным слоям и их жизненные пути расходятся. Она пыталась, как могла, сохранить связь с ней, и постепенно убеждалась, что это невозможно, и никто из ее окружения не виноват в этом.

Общение ребенка с семьей: чем могут помочь или помешать представители детских домов и социальных служб?

В большинстве случаев кровные родители не стремятся активно общаться со своими детьми в детских домах – выше мы называли истинные причины этого. Хотя нередко возникает искушение объяснить их поведение тем, что «у этих людей нет ничего святого», «им наплевать на ребенка», «лишь бы водку пить» и т. п. Но правда состоит в том, что физиологическая зависимость от спиртного у социально неблагополучных родителей является вторичной. Первичны – психологическая незрелость и личностные проблемы, с которыми такие люди предпочитают «справляться»

при помощи алкогольного избегания. Это разрушает их жизнь и жизнь их близких, и сильнее всего страдают дети. Проблема не в том, что они не любят своих детей. Они не способны заботиться, быть ответственными, справляться с трудностями – это общая жизненная позиция, и в том числе она выражается в родительской несостоятельности.

Это объяснение никоим образом не оправдывает ущерб, который неблагополучные родители наносят своему ребенку. Но «объективность» и «агрессивность» – это разные позиции по отношению к этим людям со стороны общества. Речь идет не о том, чтобы оправдывать и романтизировать ситуацию с неблагополучными семьями. Если мы по-настоящему хотим помогать детям, надо помнить, что для ребенка родители – это в каком-то смысле часть его самого. Поэтому очень важно, как взрослые, которые общаются с ребенком, воспринимают его родителей. В данном случае через отношение к родителям проявляется уважение заботящихся взрослых к ребенку, в том числе к его чувствам. Агрессия по отношению к кровной семье ребенка, по сути, является отвержением его самого и приносит негативный педагогический эффект.

Когда между ребенком и кровными родственниками есть привязанность и когда семья может быть доступ-

на для контакта, конструктивной будет следующая последовательность действий сотрудников детского дома:

1. Сообщать родителям об успехах ребенка, о его положительных чертах, а также подчеркивать, что для ребенка важны их посещения (без излишней драматизации). То есть в целом дать понять родителям, что они имеют значение для ребенка, и что сотрудники учреждения понимают, что для родителей тоже имеет значение, что происходит с их дочерью или сыном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.